18+

Николай Волынский

Разгадка великой княжны

Николай Волынский

Разгадка великой княжны. Исторический детектив

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73554278
ISBN 9785006954977

Аннотация

В 20-е годы XX века в Берлине распространились слухи, что русские эмигранты нашли и опознали спасшуюся от расстрела дочь Николая II великую княжну Анастасию. Но многие считают ее самозванкой. Бывшая разведчица царского генштаба и сотрудница ЧК эмигрантка Новосильцева по заданию ГПУ СССР проводит расследование…Остросюжетный исторический детектив основан на реальных событиях и надежных архивных документах, уликах и свидетельствах.Для всех любителей тайных страниц отечественной истории.

Содержание

1. Важное письмо, но вакансий нет 6
2. Конечно, не она 42
3. Сложность родственных отношений 66
4. Шуцман Халльсман спасает Неизвестную 91
5. Звездный час Клары Пойтерт 116
6. Сомнения Зинаиды Толстой 137
Конец ознакомительного фрагмента. 157

Разгадка великой княжны
Исторический детектив

Николай Волынский

Моей дочери Ксении

В феврале 1920 года в Берлине полицейские спасли молодую женщину, пытавшуюся утопиться. Она упорно отказывалась называть свое имя и что-либо сообщать о себе. Скоро среди русских эмигрантов прошел слух, что спасшаяся – дочь русского царя великая княжна Анастасия, которой удалось избежать расстрела.

К эмигрантке Новосильцевой, бывшей разведчице царского Генштаба и сотруднице ЧК, обращается ОГПУ СССР с просьбой провести расследование. Новосильцева хорошо знала Анастасию. И, увидев Неизвестную, пришла к выводу: это не княжна.

Но расследование продолжается. Опрошены множество свидетелей, изучены документы, другие доказательства. В итоге Новосильцева приходит к потрясающему выводу.

Тем временем вокруг Неизвестной разгорается жестокая борьба, в которую вовлечены могущественные политические и финансовые силы Англии, США и Германии.

Перед нами разворачивается одна из самых

удивительных драм XX века.

Исторический художественно-документальный детектив основан на реальных событиях, документах и свидетельствах.

Для всех любителей таинственных страниц истории.

© Николай Волынский, 2026

ISBN 978-5-0069-5497-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Важное письмо, но вакансий нет

Доктор Людвиг Бруннер перевернул последнюю страницу медицинской карты, сшитой зеленой шелковой нитью. Помедлил, рассматривая пациентку сквозь двояковогнутые очки в золотой оправе.

Перед ним сидела, чуть откинувшись на спинку кресла, дама не первой молодости, но редкой и свежей красоты. Она сняла черную шляпку с вуалеткой. И на доктора спокойно и тоже чуть испытывающе глянули изумрудно-зеленые глаза под темными соболиными бровями. Черные блестящие волосы были стянуты на затылке в древнегреческий узел, ото лба уходила назад узкая седая прядь. На матово-белом лице без макияжа почти ни одной морщинки. На вид не больше тридцати пяти. Правда, в карте отмечено, что дама рожала.

Доктор еще раз открыл карту – на первой странице указан 1880 год рождения, значит, на самом деле ей сорок пять.

– Что же, фрау, – доктор глянул на обложку: «M-me Eudoxie Novossilzev». Он произнес фамилию по-русски: – Фрау Новосильцева. Вы, конечно, русская?

– Это имеет значение? – едва заметно усмехнулась дама.

– Абсолютно никакого! – заверил доктор. – Хотя может иметь. По моим наблюдениям, русские женщины отличаются более крепким здоровьем, нежели европейки.

– Добрая треть России расположена в Европе, – уточнила дама.

– Конечно! Но климат более суровый. В таком климате формируется стойкий народ.

– Народ в России разный, как и климат. Большая страна, – отозвалась пациентка. – От ледяного сибирского ада до райского Крыма, а на Кавказе даже субтропики.

– Да, – подхватил доктор Бруннер. – Кажется, это ваша императрица Екатерина Великая высказалась в том смысле, что Россия даже не страна, а целая Вселенная.

– Не слышала.

Доктор еще раз с удовольствием оглядел пациентку.

– И все же… Я, знаете ли, не просто врач в католической больнице. Кроме всего, имею немалый военно-полевой опыт, можно сказать, боевой медик.

– Были на фронте? – равнодушно спросила Новосильцева.

– И не раз. Пришлось побывать даже в мясорубке на Со-

мме. Но и на Восточном фронте тоже. Русские меня всегда удивляли. Солдаты сплошь из крестьян – маленького роста, худые, даже тощие, с плохими зубами. Вскормленные на черном хлебе и квасе, почти не видевшие в своих деревнях мяса. И – против немецкого бауэра или рабочего, с мышцами, полными протеина, извлеченного из свиных ножек или ежедневного супа из бычьих хвостов. А вот, поди ж ты, как крепко, как упрямо держались неделями и даже месяцами без снарядов и патронов. Не только цеплялись за фронт, но и переходили в наступление… – он замолчал.

– Я тоже бывала на фронте, – нарушила тишину дама. – И что-то не видала среди немецких пленных могучих Зигфридов – как среди солдат, так и среди офицеров. А на русские черные сухари они набрасывались с такой жадностью, что…

– Да! – энергично согласился доктор Бруннер. – Под конец голодала не только армия. Вся Германия умирала от голода. Нас спасли только украинские сепаратисты, объявившие независимую республику и упросившие нас ввести войска на Украину. Но от предательства в генеральном штабе и от поражения нас не смог спасти даже Господь Бог.

– Видимо, это не входило в его планы, – констатировала пациентка.

– Возможно. На этот раз, – согласился доктор, снова открывая медицинскую карту. – Итак, милостивая фрау Новосильцева, вот что я должен вам сказать. Судя по анализам и последнему эпикризу, у вас нет серьезных оснований для

сильной тревоги за свое здоровье.

– А для не сильной тревоги? – пациентка чуть прищурила оба изумруда в черной пушистой оправе.

– Это мы сейчас и выясним окончательно. Попрошу вашу левую руку.

Он аккуратно обхватил тремя пальцами ее мягкое белое запястье. Доктор Бруннер увлекался древнекитайской медициной. И как раз закончил штудировать трактат «Канон Желтого императора о внутреннем» по диагностике болезней с помощью пульса. Он прижал точку сердца и тонкой кишки. Ощутил пульс, оценил. Переместил пальцы чуть выше и нашел на другой точке толчки крови от печени. Еще чуть сдвинулся вверх до точки почек. На правом запястье нащупал пульс легких, потом чуть выше – точку перикарда и, наконец, трех обогревателей. Удовлетворенно кивнул. Что ж, она практически здорова, но сердце явно угнетено усталостью.

– А теперь мне необходимо вас прослушать, – сказал он, доставая из ящика стола не обычную деревянную трубочку стетоскопа, а чудо немецкой медицинской техники – черную монету фонендоскопа с двумя резиновыми трубками для ушей.

– Вам сейчас помогут, – предупредил он, когда пациентка потянулась руками назад к пуговицам платья. Взглядом указал на ширму и нажал кнопку звонка.

Вошла медицинская сестра, пожилая монахиня в плотном

белом чепце, в черной узкой хламиде, в белом переднике с нашитым спереди красным крестом.

– Сестра Агнесс, помогите, пожалуйста, даме.

Через некоторое время из-за ширмы в углу кабинета послышалось:

– Я готова, доктор.

Дама стояла к нему спиной обнаженная по пояс, монахиня держала в руках длинный лиф на шнурках, платье было просто спущено до пола. «Очаровательна, – восхищенно и с некоторой застенчивостью отметил доктор, не отрывая глаз от матово-белой идеальной формы спины с трогательно проступающими позвонками. Коснувшись кончиками пальцев нежной кожи, прижал черный кружок фонендоскопа к спине, выслушал сердце. Оно билось в спокойном, сильном ритме, хотя клапаны чуть пришепетывали. Легкие работали уверенно, все чисто, без лишних звуков.

– Прошу повернуться.

Новосильцева равнодушно продемонстрировала свои груди – круглые, упругие с розовыми девичьими сосками.

– Кормилицу нанимали? – спросил доктор.

– Нет, сама.

– Сколько у вас детей?

– Дочь. Шесть лет.

Доктор поднял брови, снова глянул на соски, почему-то чуть проступившие вперед. Потом вытащил трубки из ушей и неожиданно для себя приник ухом к узкой ложбинке меж-

ду грудей Новосильцевой. Она слегка удивилась, но виду не подала. Волосатое ухо держалось несколько секунд на груди и вернулось наверх. Монахиня сверкнула глазами и отвернулась к окну.

– Так, – слегка хмурясь, сказал доктор Бруннер и, спохватившись, улыбнулся. – Так, – повторил он, пряча фонендоскоп в карман халата. – Должен сказать, что вашему здоровью, в крупном, ничего не угрожает. Легкие, как у двадцатилетней девушки, то же можно сказать и об остальных органах. Правда, сердечко требует некоторой заботы. А как спите? – заботливо спросил он.

– По-разному.

– Я так и думал. Снотворные?

– Нет.

– Сложный характер пульсации свидетельствует о накопившейся усталости в миокарде, о длительном нервном отравлении вследствие сильных переживаний в далеком, очевидно, и в менее далеком прошлом. Усталость и нервное истощение способствуют накоплению токсинов в организме, и они медленно, незаметно, коварно, но неотвратимо делают свою разрушительную работу.

– Понимаю.

– Наша задача – яды изгнать. Специально разработанная в нашей клинике витаминная диета, ванны из солей, полученных с лучших швейцарских курортов, научно обоснованный режим дня, прогулки, особая дыхательная гимнастика

по системе йогов вам очень помогут. Будете, как новенькая монета. А как насчет успокоительных вообще? В широком смысле. Принимаете?

– Нет.

– Небольшие дозы бромида натрия не повредят.

– Это обязательно? – монахиня уже помогла ей надеть длинный, до талии лиф на китовом усе и застегивала платье сзади.

– У вас есть свои предложения? – с добродушной иронией поднял бровь доктор. – Наш диагноз: скрытый невроз. Нужно с ним справиться. К счастью, не психоз, – чуть нажал доктор.

– А в чем разница? – Новосильцева повернулась к доктору, рассматривая его внимательнее. Она подумала: верно, что каждый человек напоминает какое-нибудь животное. Доктор был этаким розовым кабанчиком с белесыми человеческими ресницами и голубыми глазками, сильно увеличенными двояковогнутыми стеклами.

– Ммм… – протянул доктор Бруннер. – Невроз – это состояние, когда вы наверняка знаете, что дважды два – четыре. Но это обстоятельство вас страшно раздражает. При психозе больной абсолютно уверен, что дважды два – пять, и он этим вполне удовлетворен. Но его бесит тот факт, что другие не способны понять такой простой вещи.

– Очень интересно, – впервые улыбнулась Новосильцева.

– Итак, – доктор открыл гроссбух в желтой кожаной об-

ложке. – Посмотрим, что у нас есть. Вот, второго декабря, следовательно, через три месяца, освобождается место, двухкомнатная палата, точнее апартаменты, пятнадцать тысяч марок в месяц, так сказать, брутто. То есть, полный уход, лечение и пансион. Думаю, вам понадобится не меньше сорока дней.

– А раньше?

– Раньше, увы, никак. Наш госпиталь, хоть и находится под патронажем католического ордена, но это очень серьезная и не очень дешевая клиника, обладающая авторитетом одного из лучших лечебных учреждений Европы. Пребывание – да, не из доступных. Но все места заняты до середины будущего года. Вам просто повезло, одна богатая американка неожиданно отказалась. Расходы вас не смущают?

– Не в расходах дело. Я не могу ждать три месяца, – изумруды среди черных ресниц недовольно сверкнули. – Никак не могу. Я полагала, что определюсь к вам уже сейчас, самое позднее, завтра.

– Мадам, – строго начал доктор. – Это невозможно. Но могу посоветовать вам хорошую клинику в вашей стране, в предместье Парижа, где…

– Нет, доктор, – отрезала Новосильцева. Щеки ее и веки чуть покраснели. – Прошу понять, мне крайне необходимо именно в вашу клинику и именно сегодня, быть может, завтра. В крайнем случае, пусть послезавтра.

Бруннер вздохнул, он сочувственно пожал плечами и ука-

зал взглядом на гроссбух. Новосильцева покачала головой – теперь с явным неудовольствием.

– Я еще раз прошу найти возможность, – на этот раз жестко произнесла она. – Мне нужно пребывание именно в вашей клинике.

– Послушайте, мадам. Ведь по Франции… – начал доктор Бруннер, снимая очки.

Она его перебила:

– Нет, это вы, убедительно прошу, меня послушайте!

Новосильцева наклонилась к лицу доктора Бруннера.

– Прошу вас, отыщите для меня такую возможность, – она сказала это шепотом, но с такой силой, что доктор слегка вздрогнул.

Слегка обескураженный, он отодвинулся назад.

– Да что вас так заставляет упорствовать? Не могу понять.

Нахмурив брови, пациентка подумала, потом попросила:

– Отошлите, пожалуйста, сестру, доктор.

Кивком приказав монахине удалиться, доктор уже не скрывал раздражения, которое постепенно переросло в тревогу.

– Я не в силах создавать новые больничные места, – сообщил он. – Хотя распределение пациентов и персонал – в моем ведении.

– Возможно, лечебное место и не понадобится, – неожиданно заявила дама. – Есть другая возможность. Дело в том, доктор, что я – дипломированная медицинская сестра,

с опытом. И хотела бы занять вакансию в вашей клинике.

– Но зачем? Зачем вам это надо? – изумился доктор.

Он еще раз бросил взгляд на ее дорогое платье черного атласа с прозеленью, на кольцо с зеленым камнем на левой руке, на ридикюль и туфли из темно-зеленого сафьяна. Пальто на вешалке тоже из дорогих – из бежевого английского сукна с широким шалевым воротником, кажется, морского котика.

– Разве вы так нуждаетесь, чтобы работать простой сестрой милосердия? Вы же только что были готовы оплатить пребывание. Да и нет у нас таких вакансий и не бывает.

– Придется найти, – неожиданно заявила пациентка и обольстительно улыбнулась.

Теперь Бруннер ощутил раздражение.

– Не придется! – отрезал доктор. – Здесь сестрами служат монахини ордена святой Марии. Это, во-первых. Для того чтобы служить у нас, надо вступить в католический орден, а это дело нескорое, несколько лет пройдет, чтоб получить доступ к пациентам.

– Значит, надо пойти другим путем. Вы – заместитель директора клиники. Следовательно, вам придется открыть вакансию для сестры-мирянки, – невозмутимо посоветовала Новосильцева.

– Да с какой стати? – закричал доктор Бруннер. – Нет, прошу вас, прекратим этот странный и в такой же степени бесполезный разговор.

Усмехнувшись, Новосильцева туманно произнесла:

– Придется действовать по-другому. Надеюсь, разговор окажется более плодотворным, когда вы прочтете некое очень интересное письмо.

– Письмо? Адресованное мне?

– Вам лично! – подтвердила Новосильцева.

Она извлекла из темно-зеленого ридикюля сложенный вчетверо лист бумаги, развернула его и положила на стол.

Перед доктором Бруннером лежал официальный бланк Берлинского полицай-президиума с исходящим номером и вчерашней датой. И с подписью начальника 2-го (политического) отдела старшего советника Райнхарда Вайса, скрепленной печатью канцелярии.

– Это же пустая бумага! – воскликнул доктор, ничего не понимая. – Где же письмо?

– Я и есть письмо, – веско сказала пациентка. – Подпись прилагается отдельно. Вследствие особой секретности миссии, возложенной на меня государственной властью. Вот что это значит, доктор. Все, что я могу вам сообщить, вы должны держать в строжайшем секрете под угрозой строгой ответственности перед законом.

Она отметила едва заметную тень сомнения, промелькнувшую на лице доктора. И подумала, что известное немецкое уважение и даже рабское преклонение перед властью и законом, похоже, истаяли в германской демократической республике, которую еще называли Ваймарской.

Начальник берлинской политической полиции Райнхард Вайс

Сам документ своим качеством не мог вызвать сомнения. Бланк и печать были настоящие, а подпись подделана идеально. По крайней мере, так уверял Петр Петрович Сергачев, агент ОГПУ.

Он подошел к ней месяц назад, в Париже.

В тот чудесный осенний день Новосильцева с дочерью и нянькой гуляли после полудня в Булонском лесу. Она сидела на скамье, глядя, как девочка играет с нянькой в мяч, и размышляла о том, что жизнь ее в эмиграции складывалась неплохо – лучше, чем у большинства русских. Тяжелые и даже смертельно опасные испытания остались позади. После того, как ей, бывшей агентессе разведуправления царского Генерального штаба не удался вербовочный подход

к двум высокопоставленным германским офицерам, ей пришлось бежать в Россию. И попала она как раз к Октябрьскому перевороту.

Ей долго пришлось скрываться от новых властей, опасаясь ареста, но, в конце концов, в Петрограде ее арестовала ЧК. В то время в городе находился комиссар Василий Яковлев, заместитель Дзержинского. Комиссар готовился выполнить приказ Ленина о доставке в Москву из Тобольска семьи бывшего царя. В Петрограде он искал связь со своим другом полковником Скомороховым, который был непосредственным начальником Евдокии Новосильцевой. При случайном аресте Скоморохов был убит, а Новосильцева попала в ЧК на Гороховую улицу, 2, где Яковлев уговорил ее перейти хотя бы временно на службу новой власти и помочь ему в выполнении задания Ленина.

Она согласилась сопровождать комиссара в Сибирь. Но Романовых вывезти в Москву не удалось. Благодаря интригам председателя ВЦИК Якова Свердлова, который поддерживал тайные связи с американским банковским капиталом и лично с банкиром Якобом Шиффом, уральские большевики перехватили Романовых. Яковлев сделал попытку освободить семью, чтобы все-таки доставить ее в Москву, но опоздал. В ночь с 16 на 17 июля 1918 года Романовы были расстреляны в Екатеринбурге.

Это событие перевернуло жизнь Новосильцевой и комиссара Яковлева. Комиссар попал в белую контрразведку, а Но-

восильцевой, потерявшей ребенка от Яковлева, пришлось спасаться, отступая вместе с белой армией генерала Каппеля в жестоком Сибирском Ледяном походе.

Яковлева спасли от контрразведки знакомые эсеры, и он, изменив большевикам, перешел к социалистам-революционерам.

В последний раз Новосильцева видела комиссара в Иркутске и, как ей показалось, поймала его на измене с другой женщиной. Тем не менее, провела с ним ночь в надежде, что она ошибается. Но новый день все расставил на свои места, разрыв стал неизбежен.

Сопровождал ее в эмиграцию капитан Разумцев, который заботился о Новосильцевой во время Ледяного похода. Скоро они поженились.

Средства у нее были, офицерское жалование за службу в разведке. Она держала деньги в банке Лозанны. Но Разумцев все равно пошел работать на завод Ситроена, потом закончил вечерние курсы и стал мастером сборочного цеха. Новосильцева родила дочку, которую Разумцев считал своим ребенком, полагая, что девочка родилась преждевременно.

Глядя, как нянька и маленькая Лариса перебрасываются резиновым красно-синим мячиком, с нежностью прислушиваясь к азартным крикам дочери, Новосильцева думала, что только одного ей не хватает для того, чтобы назвать свою жизнь состоявшейся и достаточной: родной среды, людей,

говорящих вокруг на родном языке. Ей не хватало страны – пусть бестолковой, часто суетной, не вполне цивилизованной, бедной. Но все-таки своей и незаменимой. Как ни удачно она вписалась в быт чужой страны, где в ней уже редко угадывали иностранку и дочь говорила по-французски и по-немецки лучше, чем на родном языке, но свое – это свое. Она всегда здесь будет чужой. Никогда у нее не будет потаенной интимной связи с этой страной, ее природой, ее людьми, культурой, с ее духом. Такой связи, какую с матерью через пуповину имеет ребенок в утробе.

– Лариса, детка! – крикнула она, увидев, что мячик катится прямо на аллею Гротов, на которую вырулил вдалеке автомобиль. Но девочка поймала мяч у самого края аллеи и вернулась, швыряя мяч в сторону няньки.

Пронзительное кряканье автомобильного клаксона снова заставило ее глянуть на аллею. Какой-то франт едва увернулся от проезжающего рено. Конечно, русский, подумала Новосильцева. Только русские прутся через дорогу там, где им вздумается. Презирать законы и правила у нас в крови – внутренняя свобода на первом месте. Или это способ уберечься от глупых законов и правил? «Нелепость законов мы исправляем их невыполнением», – Гоголь, кажется? Или Николай Щедрин? Остается только вера в доброго царя, который накажет негодяев-бояр и восстановит справедливость, особенно, когда она противоречит царскому же закону…

Через некоторое время она отметит, что именно этот звук

клаксона возвестил о серьезной перемене в ее жизни.

А тогда, глядя на играющего ребенка, она с тревогой вспомнила вчерашний разговор с мужем. Разумцеву снова предложили вступить в РОВС – в Российский общевоинский союз. Организация из бывших офицеров и генералов царской армии готовилась к скорому свержению власти Советов, с каждым днем крепла, ее снабжали большими деньгами заграничные фонды, союзы, а также богачи, сумевшие вовремя вывезти из России состояния. С РОВСом тесно работала агентура английской и французской разведок.

– Боюсь, что мне придется согласиться, – сказал Разумцев.

– Боюсь, что тебе придется отказаться, – возразила Новосильцева. – Даже не потому, что чужая борьба за чужую власть нас не касается. Оттуда тебе, как волку из капкана, уже не освободиться. Мы выдержали, живем небогато, но в относительном достатке. Что сейчас важнее – амбиции недобитых генералов вроде Миллера, желание недострелянных Романовых вернуться в Зимний дворец или счастье дочери? Я не хочу для нее того же, что прошли мы с тобой.

– Разве ты не хочешь вернуться на родину? – удивился Разумцев.

Она печально улыбнулась, подошла к мужу, сидящему на диване, и прижала его голову к своей груди.

– Конечно, милый, – шепнула она. – Конечно, хочу. Только не в компании твоего РОВСа. Но дело даже не в нем. Возвращение для нас невозможно. Раз и навсегда.

– Но, представим, власть переменится… – начал Разумцев.

– Если власть будет белой, она не простит мне сотрудничества с красными. Красная тоже когда-нибудь вспомнит службу на белых. Но она не переменится. Власть, доставленная из-за границы, никогда не будет для страны своей. Да мы же с тобой видели в Сибири, как народ ненавидел белых и их настоящих хозяев, иностранцев. Хорошо, давай представим: твой Миллер захватил Кремль, арестовал верхушку большевиков. А что он сделает с Красной Армией? С армией из рабочих и крестьян, которые Миллера и его сотоварищей недавно победили. Она тут же подчинится своим злейшим врагам? Глупые люди собрались в вашем РОВСе, одно слово, дети малые. И чья будет власть? Снова Рябушинских и Рубинштейнов, в деревне опять урядник и капитан-исправник с казачьими плетями. А народ уже попробовал свободы от нас. Оплатил ее, причем большой кровью. Не отдаст.

– Дунечка, – удивленно поднял голову Разумцев. – Вот уж никогда не подозревал в тебе таких оригинальных политических взглядов. Кто тебя этому выучил?

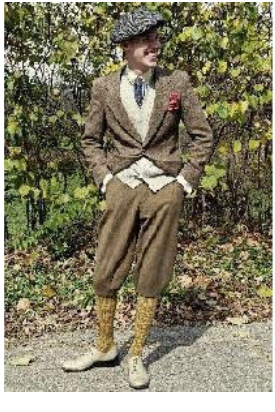
– Ничего оригинального. Жизнь выучила. Наша с тобой.

– Однако мне нужно хорошенько подумать, – сказал Разумцев.

– Подумай, – согласилась Новосильцева. – Подумай хорошенько и пошли их ко всем чертям.

На нее упала тень – Новосильцева подняла голову.

Рядом с ней улыбался франт, который только что выскочил из-под бампера автомобиля. Он был в сером английском кепи с двумя большими пуговицами на макушке, в твидовом пиджаке, чесучовом жилете и при бабочке. Темно-серыми пузырями спускались до колен брюки гольф, на ногах кремовые туфли «джимми». На вид лет двадцать пять.



– Чудесный день, не правда ли, мадам? – еще шире улыбнулся франт.

Холодным кивком Новосильцева с ним согласилась. Русского акцента в его речи она не уловила.

– Вы позволите присесть? Никак не приду в себя – едва не попрощался с жизнью.

Она чуть улыбнулась и отодвинулась. Франт снял кепи и несколько раз обмахнул им лицо.

– Какой славный ребенок, – сказал он. – Судя по ее очарованию, ваша дочь.

– Вы очень любезны, месье.

Он снова улыбнулся и произнес тихо и все так же любезно – по-русски:

– Здравствуйте, Евдокия Федоровна.

Она резко обернулась к нему. Испытывающе помолчала.

– Мы знакомы? – ледяным тоном спросила Новосильцева.

– Надеюсь на знакомство.

Франт встал и слегка поклонился.

– Позвольте представиться: Пьер Легран, свободный журналист, частый автор «Пти паризьен» и даже «Фигаро».

– Но ведь вы не француз. Хотя ваш французский хорош.

– На самом деле меня зовут Петр Петрович Сергачев.

– А Пьер Легран, то есть Петр Великий, это ваш псевдоним? Очень скромный, надо сказать.

– Нет. Это имя записано в моем французском паспорте.

– Что же, поздравляю, месье. Однако мне… – она приподнялась.

– Буквально минуту, прошу, Евдокия Федоровна.

Она почувствовала, как электрическая волна тревоги пробежала по спине.

– Что вам угодно? – неприязненно спросила Новосильцева.

– Прошу вас, присядьте. Я сейчас уйду, если вы пожелаете.

– Я желаю, чтобы вы ушли тотчас же. Я с детства приучена не вести на улице разговоры с незнакомыми.

– Замечательная привычка! – восхитился Петр Петрович. – Еще слово. Я недавно из Москвы.

– И что же?

– Буду с вами абсолютно откровенен. Хотя в определенной мере рискую.

– Ах, значит, рискуете… – с иронией протянула она. – Так, – она помолчала. – Следовательно, вы подошли ко мне не случайно.

– Именно так. Меня попросили поговорить с вами. Попросили из организации, с которой вы тесно сотрудничали, когда комиссар Яковлев был заместителем Дзержинского. О вас там помнят и весьма положительно, с благодарностью оценивают вашу помощь.

– Так значит, вы чекист?

– Пожалуйста, не так громко, – попросил Петр Петрович. – Сейчас эта организация называется по-другому.

– Стало быть, мы имеем вербовочный подход, – враждебно усмехнулась Новосильцева.

– Ну, нет, ни в коем случае! – запротестовал Петр Петрович. – Нет необходимости дважды делать одно и то же.

– Ошибаетесь, – отрезала Новосильцева. – Я покончила с прежней жизнью. Навсегда. И никакие ваши будущие угро-

зы…

– Евдокия Федоровна! – перебил ее Сергачев. – Для полной ясности: никаких угроз, никакого шантажа. Вы не тот человек, к которому можно подходить с угрозами. Мое руководство прекрасно понимает: если вас шантажировать, результат будет противоположный. Вы никогда не исполните нашу скромную просьбу, как следует. А она носит тонкий и деликатный характер.

– Спасибо за понимание, Петр Петрович, – уже дружелюбнее произнесла Новосильцева. – Но все равно вынуждена вам отказать. Больше не подходите. Вы должны усвоить простую вещь: я живу в другом мире – небольшом, скромном, но защищенном. И никакие тревоги, хлопоты или неприятности мне не нужны.

– Но вы еще не выслушали просьбу!

– И слушать не намерена, – отрубила Новосильцева. – А ежели продолжите ваши намеки или, не приведи Господи, приставания, я просто-напросто сдам вас в полицию. Или во французскую контрразведку.

Петр Петрович, слегка опешив, несколько секунд смотрел на нее. Потом неожиданно улыбнулся – широко и открыто.

– Нет, Евдокия Федоровна, вы этого никогда не сделаете.

– Отчего же? – с легкой угрозой повысила голос Новосильцева.

– По очень простой причине…

Он не договорил, потому что Новосильцева вскочила

и в ужасе закричала:

– Лара! Лара! Детка! Нельзя! Стой!..

Мячик выскользнул из рук девочки и покатился на аллею. Она, хохоча и что-то крича, гналась за мячом. К ним на большой скорости приближался черный бьюик, он отчаянно сигналил. Но девочка его не слышала.

Опрометью Новосильцева бросилась к ребенку. Ее опередил Сергачев. В два прыжка он оказался около автомобиля. И выхватил ребенка прямо из-под колеса, до которого оставалось полметра. Он отбросил девочку на газон, она упала на спину и завизжала. В ту же секунду послышался глухой удар – бампером Сергачева отшвырнуло в сторону. Он упал на шоссе, машина с визгом остановилась и нависла над ним.

Хлопнула дверь, из бьюика выбрался толстяк в желтой кожаной куртке, в крагах до локтей, с сигарой в мясистом рту.

– Какого дьявола вы бодаете мое авто? – зарычал он и выплюнул сигару.

Сергачев, не отвечая, полуоглушенный, медленно поднялся. Попытался поднять правую руку, подхватил ее левой. Новосильцева бросилась к девочке, которая уже не визжала, а только хныкала. Торопливо ощупала дочку: цела. Потом подбежала к Сергачеву.

– Вы что же, мадам, – продолжал бушевать толстяк, – глаза дома забыли? Не жаль ребенка?

– Одну минуту, месье, не мешайте! – прервала его Новосильцева.

Она осторожно сняла с Сергачева пиджак, ощупала правый локоть и обнаружила острый край кости.

– Закрытый перелом лучевой кости, – сказала она.

– П-п-пустяки, – выговорил бледный до зелени Петр Петрович. Пот бежал ручьями по его мгновенно похудевшему лицу. – Д-до свадьбы…

– Помолчите! – приказала Новосильцева и обернулась к толстяку. – Приношу свои извинения, месье. Это моя вина.

Тот не ответил, внимательно осмотрел машину спереди и пожал плечами. На лакированном крыле и на радиаторе следов от удара он не обнаружил.

– К-крепкая машина, – сквозь зубы похвалил Петр Петрович.

– Моя любимая марка, – буркнул толстяк.

Вытащил новую сигару из золотого портсигара. Помолчав, достал из кармана куртки бумажник.

– Ваши извинения приняты, – заявил он. – С другой стороны, я немного опоздал с торможением, – он потряс в воздухе пятисотфранковой купюрой. – Если угодно…

– Ни в коем случае, месье! – воскликнула Новосильцева. – Но если вы готовы помочь, доставьте меня и моего друга в ближайший госпиталь.

– Охотно! В какой?

Петр Петрович наклонился к Новосильцевой и шепнул ей на ухо:

– Мне крайне нежелательно в госпиталь…

– Пусть так… Месье, нам лучше не в госпиталь. Я сама медик и могу оказать помощь на дому, так будет проще и быстрее.

– Прошу, – толстяк открыл заднюю дверь.

Во время поездки все молчали, только хозяин машины поглядывал на пассажиров в заднее зеркало и жевал сигару, так и не прикурив ее. Нянька сидела рядом с ним и всхлипывала. Она была убеждена, что ее выгонят.

Когда бьюик уехал, Сергачев посмотрел на верх дома и сказал:

– Третий этаж – не ошибаюсь?

Новосильцева усмехнулась:

– Следили за мной, конечно.

– Ну как же без этого? – признался Петр Петрович. – Сами понимаете.

– Понимаю.

Едва они вошли в квартиру, как нянька бросилась к Новосильцевой, ломая руки:

– Мадам!.. Я так виновата!.. Конечно, вы не можете простить меня, но Христос свидетель…

– Помолчите, Мари-Жанна, – приказала Новосильцева. – Налейте в таз теплой воды. И приготовьте кофе мне и месье. Он не только ребенка спас, но и вас. Так что вечером усерднее помолитесь Христу и поблагодарите его и заодно месье Леграна. Он заплатил переломом руки за вашу безалаберность.

– Благодарю вас, месье, – нянька с мольбой смотрела на Петра Петровича, вытирая кулаками слезы.

– Воду! – приказала Новосильцева. – Гипс я разведу сама. И подайте бинты. Потом кофе и займитесь ребенком.

Пока готовилась гипсовая смесь, Новосильцева аккуратно сняла с Сергачева жилет.

– А рукав придется разрезать. Рубашку новую получите, не хуже. Вы с моим мужем почти одной комплекции.

– Я готов потерять десять рубашек, лишь бы продолжить знакомство с вами, – с воодушевлением заверил Петр Петрович.

– Не обольщайтесь преждевременно, – отрезала Новосильцева. – Сюда садитесь, к окну, в это кресло.

Накладывая на локоть гипсовую повязку, она спросила вполголоса:

– Полагаю, легенда ваша не очень надежна, если вы отказались от госпиталя?

– Пока не очень, – признался Петр Петрович. – Я, собственно, только начал печататься. Надо было кем-то вам представиться, вот и представился крупным журналистом. Для разговора.

– Решили, что старую лису вам обмануть – пару пустяков, – проворчала Новосильцева. – И не таких псов повидала. Поопытнее, позлобнее.

– Нет, меня предупреждали: с вами надо откровенно и не юлить.

– А вы попытались! – упрекнула Новосильцева.

– Просто оробел, уж не взыщите.

– На первый раз прощаю. А вот и кофе.

Когда кофе был разлит по маленьким голубым чашкам полупрозрачного фарфора, Новосильцева спохватилась:

– Что же это я! Мари-Жанна! У нас остался коньяк?

– Полная бутылка, мадам, – прибежала из кухни нянька.

– Несите всю. И для меня рюмку.

Они выпили за счастливый исход, за здоровье ребенка. Потом нянька, которая была также прислугой за все, принесла бутерброды с сыром и марсельскими сардинами, и они выпили за здоровье друг друга. Глаза у Петра Петровича повлажнели и слегка заблестели. Новосильцева налила ему еще одну.

– Не много ли? – засомневался он.

– В самый раз! – заверила его Новосильцева. – Как раз наш случай.

Когда Петр Петрович дожевал бутерброд, Новосильцева посмотрела на него и туманно произнесла:

– Гляжу на вас и себя вспоминаю. Я случайно попала в разведку, под влиянием других людей, и потом жалела, что вовремя не ушла. Вам не приходилось жалеть?

– Ни разу, – ответил Петр Петрович. – На эту службу я попал сложным путем, но вполне осознанно.

– Были студентом, наверное. Маркса начитались, Ленина? Дальше легко представить: юношеский протест против чего

угодно, лишь бы ощутить свою значимость.

– Маркса, признаться, я во время своего ученья вообще не читал. В ноябре семнадцатого в Москве вместе со своими товарищами юнкерами отбивал атаки Красной гвардии от Кремля. Когда большевики подкатили пушки, был ранен осколком, сумел добраться до квартиры родной тетки, она в Марьиной Роще живет. Сильно рисковал: муж у тетки большевик, а пока я валялся у них и выздоравливал, он стал чекистом. Но меня не выдал. Наоборот, пожалел.

– И обратил в свою веру.

– Да, причем это вышло как-то само собой. Маркса он мне не навязывал, но объяснил простую вещь, после чего у меня, ненавидевшего большевиков, мозги стали на место.

– Так сразу и стали? – усомнилась Новосильцева.

– Алексей Степанович – простой рабочий. И открыл мне глаза просто. Общество, сказал он, похоже на человеческий организм и существует и действует по тем же законам, как и обычный человек, каждый из нас. Если допустить, что накопленное богатство – своего рода жир, который для человека тоже богатство и накопление, то этот жир должен располагаться в организме равномерно. Иначе человек нездоров. Если жир в слишком большом количестве откладывается на животе, на печени, на сердце, такой человек долго не живет. Так и в обществе. Если огромное богатство скапливается в руках одной небольшой группы, такое общество нездорово, и будущего у него нет. Свое существование оно может

продлить одним способом: убивая себе подобных, разжигая постоянные войны, захватывая чужие земли, богатства, рабов.

– Значит, всем поровну? – усмехнулась Новосильцева.

– Зачем же? Тоже не справедливо. Общественное богатство надо распределять по труду. В СССР сегодня самый большой заработок у тех, чей труд приносит наибольшую пользу: у ученых, инженеров, потом, понятно, идут военачальники, рабочие и остальные. Так мне дядька объяснял суть большевизма. Такой же простой, как в Библии: «Кто не работает, тот не ест». Власть должна принадлежать труду, а не капиталу. И всё. Постепенно Алексей Степанович привлек меня к своей службе. Пришлось закончить специальные курсы. И вот я здесь.

– Вы здесь, и сразу – неудача, – поддела его Новосильцева. – А французский откуда такой хороший? Даже отличный.

– Так бабка моя – француженка, Жакетта Легран. Думаете, все-таки неудача?.. Пожалейте меня, Евдокия Федоровна, а?

– Хорошо. Давайте так. Я вам ничего не обещаю. Точнее, обещаю, что ничего обещать не буду. Так с чем вы ко мне подошли? Что нужно вашим начальникам? Но сначала скажите, почему вы уверены, что я вас не выдам?

– Потому что мои начальники считают, что вы – порядочный человек, Евдокия Федоровна. Кстати, комиссар Яковлев, Василий Васильевич…

– Он женат? – перебила Новосильцева.

– Да.

– Дайте слово, что больше никогда не упомянете об этом человеке. Понимаете, о чем я, если вы действительно агент разведочной службы?

– Понимаю. Даю слово.

– Итак?

– Вы, конечно, лично помните семью царя Николая Второго.

– Еще бы! Очень хорошо помню. Мы с группой известного вам комиссара проследили семью с Тобольска до их последних минут жизни и даже после смерти в Екатеринбурге.

– И великую княжну Анастасию хорошо помните?

– Ее – лучше всех. А, вот вы о чем! – догадалась Новосильцева. – Я тоже читаю газеты. Вы о той сумасшедшей из Берлина? Так ведь таких Анастасий уже десятка полтора объявлялось, и все фальшивые.

– Скажите, Анастасия могла выжить?

– Да зачем она вам! – отмахнулась Новосильцева. – Живая, мертвая – советской власти не все равно?

– В том-то и дело, что не все. Сейчас сильно активизировались антисоветские белые организации. Их подпитывают и направляют, в основном, англичане. И немцы собираются лезть в большую политику, не очень для нас благоприятную. Хотя СССР имеет с Германской республикой большие торговые и другие, скрытые, но очень важные связи.

– Черный рейхсвер? Запрещенная подготовка германских авиаторов? Это уже не секрет, да и скандал давно затих.

– Сейчас серьезную опасность для нас представляет РОВС. Российский общевоинский союз ведет против СССР большую подрывную работу – диверсии, убийства видных государственных служащих, военных… С ним тесно смыкается Высший монархический совет. И хоть великий князь Кирилл объявил себя императором, люди, хорошо знающие закон о престолонаследии Российской империи, утверждают: если бы Анастасия вдруг оказалась живой, то именно она первой имеет право на трон.

– А где он, этот трон? В каком амбаре хранится? – съязвила Новосильцева. – И какое дело до него советской власти? Только дурак может всерьез мечтать о восстановлении династии.

– Трон – категория, конечно, мифическая. Но борцы за него вполне реальные. Война за него и против нас идет нешуточная, с кровью и большими жертвами. Кровь, в основном, льет Советская Россия.

– Столь велика угроза переворота? – удивилась Новосильцева.

– Даже малой угрозой пренебрегать нельзя. Маленькая дырочка разрушает самую мощную плотину, это вам голландцы подтвердят. Так вот, нам хотелось бы знать: та, которая объявилась в Берлине, самозванка или реальное лицо? Такое знание даст возможность для будущих комбинаций.

Но прежде все-таки ответьте: могла ли Анастасия спастись?

– Не только могла. Она спаслась. В ту ночь я держала ее на руках – раненую, избитую, покалеченную, с выбитыми зубами, почти потерявшую разум…

– А вы можете подробней, с самого начала?

– Подробностей не так много. Есть свидетельства участников расстрельной команды. Когда убитые лежали на полу и их обыскивали, Анастасия вдруг страшно закричала и поднялась. На ней не было ни одной раны, пули, предназначенные ей, попали в сестру Татьяну, которая закрыла ее своим телом.

– Вам откуда известно о Татьяне? – живо спросил Сергачев.

– От самой Анастасии.

– А вы что там делали? И как туда попали?

– Группа известного вам комиссара намеревалась выкрасть Романовых из-под ареста и все-таки отправить в Москву, выполнить приказ Ленина. Но мы опоздали. Прибыли к увозу трупов в коптяковский лес, на сожжение. Мы последовали за грузовиком с мертвецами. А когда машина свернула в лес, в чащобу, в болото, где и застряла, то недалеко от машины, в кустарнике я и наткнулась на Анастасию. Мы ее забрали.

– Но как такое могло произойти? Как она могла бежать? – не отставал Петр Петрович.

– Очень просто. Она не бежала. Бежать у нее не было сил.

Вы представьте обстановку. Густой лес, темень, едва только фары светят. Чащоба непролазная, болото, ямы, мочажина. Грузовик увяз. Мертвецов стали перегружать на пролетки, лошади перепуганы, рвут в стороны. Трупы падают на землю, их в темноте снова отыскивают, подбирают, снова грузят на пролетки, они снова норовят выпасть…

– Этого достаточно. Вполне она могла упасть в кустарник и там остаться.

– Она доползла почти до дороги. Там мы ее и нашли.

– А дальше что?

– Комиссар приказал солдату Чайковскому о ней позаботиться. Увезти в город и там спрятать. Всё. Больше мне ничего не известно.

– И какие у вас предположения? Версии?

– Это я должна вас спросить, – заявила Новосильцева. – Вы лучше должны знать, что с ней произошло дальше.

– Ошибаетесь.

– Вы, похоже, не готовились к выполнению собственного задания. Или ловите меня на чем-то? Мы же договорились: со мной – полная откровенность.

Петр Петрович покачал головой, погладил уже застывшее гипсовое полено и сказал озабоченно:

– Клянусь, не понимаю, о чем вы, Евдокия Федоровна.

– Поясняю. Большевики недосчитались Анастасии. И объявили усиленный поиск, на поимку девушки бросили большие силы. Искали в Екатеринбурге и других городах. В кон-

це концов поймали. В Пермской ЧК ее уверенно опознал доктор Уткин. Слышала – правда или нет – в Пермь специально выезжал колчаковский следователь Соколов и убедился: Анастасию чрезвычайка поймала и расстреляла. Так что искать ее в Берлине или еще где нет никакого смысла.

– Ах, вы о том случае… вернее, операции, – туманно произнес Сергачев.

– Мама! – послышалось издалека, и Новосильцева спохватилась и побежала в детскую.

Она пробыла там полчаса, а все это время нянька вертелась около Сергачева, вытирая с чистых книг пыль, и переставляя без нужды статуэтки на комоде. Сергачев понял: крестьянская девка больше смерти боится, что ее выгонят, и ищет у него заступничества. При нынешней безработице ей только на панель.

– Как вы думаете, месье, – шепотом жалобно спросила Мари-Жанна, – мадам все-таки простит меня? Или просто так сказала…

– Простит, простит, – заверил Петр Петрович.

– Если она не будет без толку болтаться под ногами, – уточнила Новосильцева, входя в гостиную. – Уже шесть часов, Мари-Жанна, скоро вернется месье Базиль, а вы здесь ерундой занимаетесь. Готовьте ужин.

– На двоих?

Новосильцева вопросительно посмотрела на Сергачева, тот замотал головой и поднялся.

– Возражения не принимаются, – заявила она. – На троих.

Потом еще раз наполнила рюмки, и они выпили уже без бутербродов.

– Странно, что вы назвали расстрел великой княжны операцией, – сказала Новосильцева.

– Да, операцией, – подтвердил Петр Петрович. – Начальство, и не только местное, было очень обеспокоено. Трупы расстрелянных сожгли – доказательств уничтожения всех нет. А тут еще недосчитались двоих.

– Кого еще? – спросила Новосильцева.

– Мальчика. Тоже пропал бесследно. Возможно, тоже выпал, но спастись, конечно, не мог, истек кровью: гемофилия. Вот чекисты в Перми и решили инсценировать арест и расстрел княжны, чтоб выбить у белых возможность использовать ее персону в пропаганде и вообще, как знамя. Так что поимка Анастасии в Перми – операция прикрытия, чтобы дать всему миру понять: все появившиеся потом Анастасии – скорее всего, самозванки, – объяснил Петр Петрович.

– Но мертвой Анастасию никто не видел.

– В том-то все и дело.

– Так что вы от меня хотите?

– Немногого, Евдокия Федоровна. Эта берлинская девушка, которую называют по-разному, сейчас находится на лечении в больнице святой Марии. Не могли бы вы на нее взглянуть. А еще лучше побыть около нее некоторое время, внимательно понаблюдать, изучить получше, чтоб не было

ошибки.

– Что же, – она подумала. – Это будет нетрудно. Пожалуй… пожалуй, я могла бы прокатиться в Берлин и полечиться в хорошей больнице, тем более, что мечтаю о хорошем отдыхе уже двадцать лет. Только ведь больница не бесплатная.

– Само собой, все расходы будут компенсированы, – поспешил добавить Петр Петрович. – В разумных пределах.

– Ах, оставьте. Хотя… Неизвестно, какими окажутся расходы. Мы живем довольно скромно и вынуждены считать каждый франк.

– Вот и замечательно, – обрадовался Петр Петрович. – Когда вы сможете?

Она не успела ответить. Открылась дверь – на пороге стоял муж.

– Ты вовремя! – заявила Новосильцева. – У нас, как видишь, гость. Познакомься, месье Легран из «Фигаро». А это мой супруг – Василий Филиппович Разумцев. Кстати, месье Легран приехал из России, только об этом никто не должен знать.

Разумцев ничего не сказал. Испытывающе и даже удивленно он смотрел в лицо Сергачеву. Потом подошел и молча пожал ему руку.

Что-то в поведении мужа не понравилось Новосильцевой. «Почему он на меня не посмотрел, как вошел, а сразу направился к гэпэушнику? Ведь любой муж в таком случае маши-

нально смотрит на жену – дескать, кого привела?»

– Вы знакомы? – с подозрением спросила она.

Разумцев резко обернулся:

– Нет!

– Нисколько не знакомы! – поспешно ответил Сергачев, и она поняла, что оба врут.

– Значит, незнакомы, – вздохнула она. – Что ж, будем ужинать.

2. Конечно, не она

Анна-Анастасия

Изучив подпись и печать, доктор Бруннер повертел в руках листок и присовокупил с усмешкой, оглядывая Новосильцеву, словно увидел ее впервые:

– Признаться, мне еще никогда не приходили такого рода письма. Да еще в столь очаровательном воплощении.

Он хотел положить бумагу в ящик стола, однако Новосильцева аккуратно листок у него из рук выхватила.

– Этот документ принадлежит не вам, герр доктор.

– Так что вам нужно? – грубо спросил Бруннер.

– Мне необходимы сведения… все сведения, в том числе и чисто врачебные, подробные, об одной из ваших пациенток. Она…

– Стоп, стоп! – запротестовал доктор. – Никаких сведений! Ни о ком! Здесь лечебное учреждение, и, по нашим правилам и согласно врачебной этике, мы строго оберегаем наших пациентов от постороннего любопытства.

– Но подпись советника Вайса…

– Да пусть хоть подпись самого рейхсканцлера Штреземана! Мы правительственным бюрократам не подчиняемся. А полиции – тем более.

– Это вам только так кажется, доктор, что вы не подчиняетесь полиции, – заявила Новосильцева.

– Тем более, какой-то там Вайс… – брезгливо добавил Бруннер.

«Похоже, в Германии евреев ненавидят с каждым годом всё больше», – подумала Новосильцева.

– Ну, знаете ли, сегодня Вайс, а завтра Браун[1], – многозначительно произнесла Новосильцева. – Но интересы германского государства превыше всего, не так ли? Об этом даже коричневые мальчики Рема и Штрассера распевают на улицах.

– Но вам-то какое дело до наших интересов? – неожиданно вскинулся доктор Бруннер. – Вы не немка, даже не француженка!

---

[1] Вайс – белый, браун – коричневый *(нем.)*.

– У Германии много разных друзей, – многозначительно ответила Новосильцева. – И их становится все больше с каждым днем.

Тут доктор оглядел Новосильцеву с новым интересом.

– Так чего же вы хотите, любезная фрау? – с неожиданной готовностью произнес он. – Спрашивайте.

Она спрятала письмо в ридикюль.

– В вашей больнице лечится некая дама, именующая себя великой княжной Анастасией Романовой, дочерью последнего русского царя.

Доктор вдруг заулыбался, хихикнул и махнул пренебрежительно.

– Ах, эта! Да и какие тут секреты? Кроме медицинских, конечно, – спохватился он. – Не понимаю, зачем вы выбрали такой сложный путь. Особа эта довольно известная. Многие ею интересовались и продолжают интересоваться. Но, тем не менее, она, как угасшая звезда, постепенно сходит со сцены.

– Первое: кто оплачивает ее пребывание? Оно, надо полагать, влетает в копеечку.

– Ммм, – замялся доктор. – Тут все непросто.

– А вы попроще, герр доктор, – посоветовала Новосильцева.

– Первое. Сама себя она великой княжной не именует. Наоборот, всячески уклоняется от такого титула. Называет себя фрау Анна.

– Анна? Интересно. Так реальную княжну называли в семье. Точнее, Аной. И что о ней известно лично вам?

– Немного. Налицо сильнейшее нейропсихологическое расстройство, обусловленное, очевидно, сильными переживаниями, с которыми фрау Анна Чайковская сама справиться не может и сегодня.

– Чайковская?

– Да, она утверждает, что была замужем. И это фамилия по мужу. Кроме того, лет шесть назад она перенесла мозговую лихорадку, что имело отрицательные последствия для ее психики. Пациентка страдает периодической амнезией, иногда не ориентируется во времени и пространстве, теряет простейшие навыки поведения в быту. Например, навык к простейшему арифметическому счету. Ей пришлось учиться ему заново. Она признавалась, что пережила тяжелую личную катастрофу, которая роковым образом сказалась на ее психике.

– Какую же катастрофу?

– Потеряла семью. Большевики расстреляли.

– При каких обстоятельствах? – живо спросила Новосильцева.

– Отказывается рассказывать. Однажды попробовала, но дело кончилось приступом – бредом с потерей сознания и галлюцинациями.

– Значит, она все-таки ненормальная.

Доктор Бруннер поморщился и покачал головой.

– Так нельзя утверждать наверняка. И в современной медицине такой термин не используется. Иногда она впадает в пограничные состояния, то есть, бывает на грани нормы. Но у нас она постепенно поправляется. И восстанавливает навыки повседневной жизни. Уже умеет открывать и закрывать кран с водой, не стоит подолгу перед дверью, не зная, что с ней делать. Научилась заново определять время по часам. И вот что еще чрезвычайно важно: много читает. В основном, историческую литературу, журналы о светской жизни королевских семей Европы. Газеты мы нашим пациентам не рекомендуем и не даем. Разве в виде особого исключения. Да, еще она восстановила навыки письма.

– И что же она пишет? Кому?

– Содержание частных писем пациентов – вне нашей компетенции, – строго отметил врач.

– Вы на каком языке с ней общаетесь?

– Разумеется, на немецком, – ответил врач.

– По-русски говорит?

– Это не ко мне. Я русского языка не знаю. Но ее консультировал доктор Сергей Руднев, русский хирург. Вам стоит с ним поговорить.

– Так кто же она, по-вашему, княжна Романова или нет?

– Мне лучше таких вопросов не задавать. По простой причине: меня ее прошлое, как и настоящее имя, мало интересуют. Для меня она просто больная. Хотя и чрезвычайно необычная, что представляет интерес в плане исследова-

ний психики и обусловленного делинквентного поведения. То есть, различные отклонения и их причины. А вообще говоря, в целом, на взгляд не врача, а просто человека, поделюсь, так уж и быть, несмотря на вашего Вайса. Особа эта чрезвычайно интересная. Добавьте к сказанному: изысканная речь и хорошие манеры, и вдруг – неконтролируемые взрывы гнева по пустякам на прислугу, которая якобы недостаточно почтительна, даже на врачей, будто бы не понимающих ее и не умеющих лечить. И при всем – необычайно очаровательна. На нее никто не в состоянии сердиться. Несмотря на все, она покоряет всех вокруг. Даже медицинских сестер и горничных, на которых еще вчера кричала и грозила всех уволить. В общем, с ней скучать не приходится.

– Мне нужно знать главное: она самозванка? На ваш профессиональный взгляд. Как я понимаю, у самозванцев есть свои особенности психики, поведения, обращения с окружающими, привычки, наконец, устремления… Или я ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, – подтвердил доктор. – Безусловно, у самозванцев имеются свои стереотипы поведения. Их множество. Но модели поведения самозванцев, при их разнообразии, все равно можно свести к нескольким основным. Главное, все они настаивают на аутентичности роли, которую для себя выбрали. Но мадам Чайковская ведет себя настолько необычно, что я не могу заявить со всей определенностью: она самозванка. Но одновременно я не могу утверждать про-

тивоположное. Заниматься ее прошлым, реконструировать ее жизнь не входит в мои обязанности и не отвечает моим целям.

Доктор помолчал.

– Вот еще, совсем забыл отметить еще одно обстоятельство, очень важное. У больной обнаружено редкое ортопедическое заболевание – hallus valgus.

– Статическая деформация стопы с искривлением большого пальца наружу, – сказала Новосильцева.

– Именно. Говорит, что она страдает вальгусом с детства. А это встречается очень редко. Значит, врожденный hallus valgus может стать дополнительным аргументом в дактилоскопии личности. Особа, персону которой вы устанавливаете, имела hallus valgus?

– Мне это неизвестно. Как она вообще к вам попала?

Тут доктор посмотрел на свои ручные часы.

– Вынужден прервать нашу беседу. Я и так потратил с вами больше времени, нежели отведено. Сейчас у меня назначен на прием другой пациент.

– Хорошо, доктор. Я могу подождать. Скажите, когда снова подойти к вам?

– Через час приму вас снова, фрау Новосильцева. Вам есть чем заняться?

– Чем же я могу заняться в лечебнице? – пожала плечами Новосильцева.

– Вы можете отдохнуть в больничном садике. Я вам по-

кажу, – доктор подошел к окну. – Кстати, вам повезло. Вон фрау Чайковская, сидит на солнышке.

Подойдя к окну, Новосильцева увидела аккуратный небольшой парк – зеленые газоны, на которых желтели первые осенние листья; извивы дорожек, усыпанных гравием; наполовину оголенные буковые и липовые деревья. Вдоль дорожек скамейки, занятые пациентами и, очевидно, посетителями.

– Которая она?

– Да вот же, как раз напротив. Третья скамья слева от центральной дорожки.

Новосильцева внимательно всматривалась в худую, даже истощенную женщину, с бледным лицом, – впалые щеки, искривленный рот, узкие плечи, выдвинутые вперед, словно у подбитой птицы. Опять же, по-птичьи, она быстро поглядывала по сторонам; ежилась и укутывалась в большую черную шаль в ярких красных цветах. На ногах мягкие больничные туфли, была она не в больничном халате, а в своем, довольно широком, который не мог скрыть ее худобы.

– Какая же она… истощенная! – вырвалось у Новосильцевой.

– Это еще что! – отозвался доктор Бруннер. – Когда она поступила к нам, то весила тридцать шесть килограммов при росте в сто шестьдесят сантиметров. Вдвое меньше нормы.

– В чем только жизнь держалась!

– Именно. Но постепенно отходит, набирает вес. Доктор

Руднев готовит ее к операции. У нее развился туберкулез левой лучевой кости, рука почти не действует. Прогноз очень неопределенный.

К пациентке подошла дама – тускло, даже бедно одетая, высокая. Но издалека было видно – миловидная, даже красивая суровой красотой. Пациентка вскочила – шаль соскользнула с плеч. Женщина бросилась навстречу даме, и Новосильцева убедилась, что левая рука у пациентки не действует – она обняла даму только правой, а левую прижимала к груди. Что-то знакомое показалось Новосильцевой в лице посетительницы. Похоже, она ее когда-то встречала, но хорошо разглядеть лицо дамы Новосильцева не могла, ее застилала пациентка.

– Вам знакома эта посетительница, доктор?

– Разумеется. Это мадам Боткина. Татьяна Боткина. Она раз в месяц навещает фрау Анну. Из Парижа, как и вы.

– Это какая же Боткина? – задумалась Новосильцева.

– Мадам Боткина – дочь известного лейб-врача Евгения Боткина, расстрелянного большевиками вместе с царской семьей.

– И что она здесь делает?

– Странный вопрос, – хмыкнул доктор. – Вы же видите – пришла навестить свою давнюю подругу.

– Но это же не она! Это не Анастасия! Совершенно не она! Могу поклясться всеми святыми, – взволнованно заявила Новосильцева. – Я много раз видела великую княжну, в са-

мых разных обстоятельствах, знаю ее внешность, лицо особенно, в подробностях, в деталях. Я абсолютно убеждена – это не она!

На что доктор только пожал плечами и улыбнулся – дескать, что я могу сказать? Да ничего.

– Может, вам стоить рассмотреть ее поближе? – предложил доктор. – Время и обстоятельства порой сильно меняют людей. Можете себе представить: недавно на улице ко мне обращается совершенно незнакомый юнец. «Дядя Людвиг!» – говорит. Какой я ему дядя? Решил, что он будет деньги вымогать – так сейчас у молодых на каждом шагу принято. Ну, пригрозил ему, что позову полицейского. А он клянется, что он – Томас, сын моей сестры Греты, она в Кельне живет. Ну, какой Томас? Того помню пятнадцатилетним, худым, белоголовым, а тут передо мной тридцатилетний громила, брюнет, с плохо выбритыми синими щеками, нос перебит, как у боксера, горбится, будто на ринге. Снова грожу полицией. Смеется. И только по смеху узнал его. На всякий случай расспросил, как выглядит мать и что у нее под левым ухом. Правильно ответил, красная родинка в виде фасолины. Хромает на левую ногу от подагры. Привел его домой, заставил позвонить в Кельн – все верно. Хоть с Гретой переговорил впервые за десять лет. Он и сейчас у меня живет, вторую неделю. Хотя, признаюсь, когда вхожу в квартиру, первая мысль: что этот громила делает у меня? Так что в реальной жизни по-разному бывает.

Раздался стук в дверь, вошла сестра Агнесса:

– Графиня фон Тиссен ждет уже три минуты, – буркнула она, неодобрительно глядя на Новосильцеву.

– Так я могу зайти к вам еще раз, герр доктор?

– Да, если угодно, – доброжелательно улыбнулся доктор Бруннер. – Ровно через час. Устроит?

– Вполне.

Она застегнула пальто, надела шляпку, поправила ее перед зеркалом, опустила вуалетку и вышла.

В газетном киоске у выхода купила номер журнала «Ла ви паризьен» и направилась в парк.

Ей пришлось побродить по дорожкам, пока освободилась скамья, с которой хорошо были видны обе женщины. Усевшись на скамейку, глянула на обложку. На ней были изображены две модницы, рассматривающие на выставке картину с изображением полуголой дамы и ведущие диалог: «Неужели она и в самом деле позировала такой раздетой?» – «Нет, конечно, но она хочет, чтобы все в это поверили». Держа журнал перед собой, Новосильцева внимательно наблюдала за обеими женщинами на скамейке.

Если рядом с Неизвестной была Татьяна Боткина, то и ее Новосильцева не узнала бы, если бы даже встретилась лицом к лицу. Детей царского врача Глеба и Татьяну она видела всего несколько раз. Анастасию – в возрасте семнадцати лет. Она была плотной, даже толстоватой. Фигурой, видно, пошла в деда Александра Третьего. И при этом необыкновенно живой, проказливой, с ее лица почти не сходила улыбка, она вечно шутила и поддразнивала родных и всех окружающих. Ничего общего фигура царской дочери, крепкая, набирающая силу, не имела с костлявым существом, сидящим рядом с рослой, спокойной Боткиной, в которой царственного достоинства было больше, чем в несчастной незнакомке, в ко-

торой, казалось, и тела не было – одна оболочка в белом пушистом халате, в черных больничных пантуфлях, в нитяных носках.

Боткина о чем-то тихо говорила. Неизвестная, на лице которой застыли грусть и даже страдание, отрицательно качала головой. Боткина извлекла из сумки несколько фотографий. Неизвестная выхватила их правой рукой, рассыпала на землю. Живо подняла, прежде чем за ними наклонилась Боткина. И стала внимательно рассматривать, снова отрицательно качая головой. Потом внимательно всмотрелась в одну, и вдруг лицо ее озарилось такой радостью, что Новосильцева ощутила странный толчок в груди. Глаза неизвестной вспыхнули, потом она прищурилась и искоса, лукаво посмотрела на Боткину. Вот в глазах пациентки, пожалуй, можно было обнаружить что-то знакомое, но это ничего не значило. На свете найдутся тысячи и даже миллионы людей со сходными чертами лица и глазами.

На входной площадке больницы показалась монахиня, посмотрела на свои ручные часы и ударила два раза в колокол, висящий у двери.

– Abendbrod, – произнесла какая-то пациентка в больничном халате, проходя мимо Новосильцевой.

Она почувствовала голод. Вряд ли ее здесь накормят, но, быть может, чашку кофе не пожалеют, она заплатит.

Боткина и неизвестная медленно прошли мимо. Новосильцева прислушалась: обе говорили по-немецки. Впрочем,

ничего странного: они в Германии, госпиталь немецкий, русских в Германии не очень жалуют, подозревая во всех большевиков.

Держась на расстоянии, Новосильцева последовала за ними и выбрала в столовой место, чтоб держать обеих в поле зрения.

– Прошу вас, милостивая госпожа, – подошла официантка, типичная динстмедхен при белом фартуке и с кружевным белым чепчиком.

– Я здесь с визитом, – предупредила Новосильцева.

– Это не имеет значения, госпожа, – любезно ответила медхен. – Здесь кормят всех.

– Но я не вижу цен в меню.

– Здесь никто не платит.

– И чаевых не подают? – поинтересовалась Новосильцева.

– Подают, но нам запрещено брать. Здесь лечебное учреждение, а не коммерческое.

Она выбрала чашку чая и два бутерброда с сыром и ветчиной. И продолжила наблюдать за Незнакомкой и Боткиной. Но больше ничего интересного для себя не отметила.

Незнакомка по глоточку, медленно поглощала манную кашу, отказалась от творожного суфле, отодвинув его Боткиной, которая, как и Новосильцева, жевала бутерброды. Отпивая чай, она роняла слова, в которые неизвестная жадно вслушивалась и даже засмеялась. Лицо ее чудесным образом осветилось, но в этот момент она бросила взгляд на Ново-

сильцеву. Легкая тревога промелькнула по ее лицу, она нахмурилась, вгляделась в Новосильцеву внимательнее, но потом ее брови расправились, она снова обернулась к Боткиной. Через несколько минут сделала жалобное лицо. Не доев, она вздохнула, обе поднялись и покинули столовую.

Новосильцева глянула на часы и тоже поднялась.

Доктор Бруннер сам распахнул перед ней дверь, помог снять пальто и повесил его в свой шкаф. В нем Новосильцева с удивлением успела заметить коричневую рубашку с прикрепленной к рукаву красной повязкой, а на ней черная свастика в белом круге. Тут же коричневые галифе и начищенные сапоги.

– Прошу, – доктор пригласил ее за круглый столик, на котором стояли чашки с кофе и на тарелочке два крошечных штруделя.

– Австрийское постепенно входит в моду, – с легкой усмешкой заметила она, беря штрудель.

– Это тоже, но совсем немного, – весело согласился доктор. – Скорее будущий вождь нашего народа превращается в полноценного немца, которому стоит подражать.

– Даже его акценту? Иногда мне кажется, что он говорит по-турецки.

– Было. Но он уже почти избавился от австрийского произношения. Да и какое это имеет значение? Главное, камрад Гитлер и его соратники Рем и Штрассер выведут Германию из того унижения и позора, в который ввергли ее предатели

и социал-демократы.

– Я не очень разбираюсь в политике, – сообщила Новосильцева. – И это понятно для жительницы Франции.

– Но ведь вы принадлежите к друзьям Германии? Я правильно вас понял?

– Принадлежу. В той степени, в какой Германия оплачивает мои услуги.

– Именно – Германия! – воскликнул доктор. – Вот цель и смысл. Хочу надеяться, что вы будете помогать моему отечеству и тогда, когда мы покончим с властью еврейских плутократов и вернем Германию немцам.

– Это зависит от того, насколько аккуратно новая Германия будет оплачивать мои счета, – уклончиво отозвалась Новосильцева.

Она сделала несколько глотков. Кофе, к ее изумлению, оказался настоящим. Доктор ее удивление отметил и удовлетворенно кивнул.

– Наше заведение дорогое.

– Я погуляла по Берлину, – сказала Новосильцева. – Никогда не видела столько унылых, изможденных людей.

– Мы, немцы, привыкли голодать, увы, – вздохнул доктор. – Для большинства это стало обычным состоянием. Еще со времен кайзера, который во время войны приучил нас к военному коммунизму. До сих пор от него не опомнились. Но скоро все изменится, – пообещал он доверительным тоном.

И, взяв кофейник, снова наполнил чашки.

– Должен вам признаться, мадам Новосильцева, я, непонятно почему, испытываю к вам симпатию и даже доверие. Хотя нахожу ваш визит более чем странным. Ну, скажите на милость, зачем политической полиции, самому советнику Вайсу понадобилась эта замухрышка, которая сама не знает, кто она такая?

– Мне неизвестны цели начальства, – холодно ответила она. – Оно ими не делится с простыми агентами. Моя задача – установить, по возможности, кто она такая на самом деле.

Доктор покачал головой, сделал глоток и предложил:

– Прошу вас, берите второй штрудель. Мне нужно заботиться о своем весе.

И Новосильцева не заставила себя упрашивать, подумав, что доктор не так уж и похож на поросенка.

– А что вы на самом деле думаете о ней?

– Кое-что я вам уже рассказал.

– Но я не получила исчерпывающего ответа на свой вопрос.

– Боюсь, такого ответа вам никто не даст.

– А как она вообще у вас оказалась?

Доктор подумал, потом открыл секретер, достал папку с надписью «Фройляйн Унбеканнт (Чайковская)», открыл, перелистал.

– Это ее дело, различные наблюдения, назначения, вам это

ничего не даст, – сказал он, перелистывая бумаги. – Чисто врачебная информация.

Он отложил папку.

– Если я не ошибаюсь, вся эта история началась зимой двадцатого года, кажется, в феврале. Полиция Берлина выловила из канала утопленницу, еще живую, откачали. Она упорно отказывалась себя называть – не просто забыла свое имя, а скрыла его. Ее сначала определили в Елизаветинскую больницу для бедных, потом в институт нервных и психических болезней в Дальдорфе с легким диагнозом: невроз на фоне спорадической депрессии и физической усталости.

– В институт? – удивилась Новосильцева.

– Для бедных, – усмехнулся доктор. – Обычный сумасшедший дом. Там кто-то из пациентов якобы нашел в больной сходство с царской дочерью. В больницу зачастили русские эмигранты, что привело пациентку в тревогу, перешедшую в ужас. У нее развилась мания, она считала, что ее ищут большевики и евреи, которые под видом эмигрантов хотят ее схватить и отправить в Советскую Россию, а там расстрелять.

– То есть, она никого не убеждала и не доказывала, что является Анастасией? – уточнила Новосильцева.

– Я уже говорил, по-моему: все наоборот. Если же она действительно Анастасия, то этот факт она старается скрывать. Это не вяжется с поведением самозванки.

– Вот как? – Новосильцева с удивлением посмотрела

в двояковогнутые очки доктора. – А ведь здесь, действительно, что-то есть, не так ли, господин Бруннер?

– Лично у не нахожу того, что вы ищете. Хотя… можно, наверное, допустить, что в некоторых случаях демонстративное сокрытие личности – способ утверждения ее.

– А что вам еще известно?

Доктор снова взял папку, задумчиво перелистал страницы, потом решительно ее захлопнул и завязал тесемки.

– Скажу вам по памяти и по слухам. Она появилась здесь, в Германии, якобы их Румынии, куда попала из России. Как я уже сказал, в Дальдорфе к ней повадились эмигранты, некоторые требовали от нее признания, что она дочь царя. Другие требовали признания в противоположном, чем несколько раз довели ее до нервных срывов. Она теряла время от времени память, здоровье стало резко ухудшаться. К тому же должен сказать, что она переболела не только менингитом. При осмотре на ее теле обнаружены следы ранений от ударов твердым предметом, вероятно, прикладом винтовки по голове и лицу, следы штыковых ударов, возможные следы пороховых ожогов. Так что на самом деле на ее долю выпало немало неприятностей – это объективная картина. Вы бы посмотрели на ее челюсти. После таких травм остается только удивляться, как только кости выдержали. Впрочем, – тут доктор, не стесняясь, грубо хохотнул. – Говорят, твердолобость – фамильная черта Романовых, которые на самом деле Гольштейн-Готторпские с примесью Гес-

сен-Дармштадтских. Они до конца своих дней не понимали, что вокруг происходит. Кто эта особа, окажись она Анастасий? На три четверти немка, на четверть датчанка, а есть ли в ней вообще русская кровь – Бог весть.

– У нас… точнее в России, – поправилась Новосильцева, – национальность определяется не по крови. А по вере и культуре. Даже большевики перестали определять национальность по классовой принадлежности.

– И напрасно! – с силой возразил доктор. – Раса, кровь определяют все!

– Ну, я не настолько подготовлена, чтобы вести столь сложные дискуссии, – отступила Новосильцева. – Одно могу сказать: Россия – не Германия, ей свойственна полиэтничность. Русскими могут быть люди любого национального происхождения. Потомки эфиопа или шотландца стать выдающимися поэтами. Лучшим составителем словаря живого русского языка оказался чистокровный швед. Среди выдающихся русских немало этнических немцев. Кстати, и во мне есть немного немецкой крови.

– Да, – неожиданно согласился доктор. – Но это ваши местные проблемы.

– Полагаю, уже не мои. У меня французский паспорт, – напомнила Новосильцева.

– Паспорт французский, а сами-то кто? – ворчливо заметил доктор Бруннер. – Не сочтите за обиду, но вы, русские, как евреи. В том смысле, что слишком плохо ассимилируе-

тесь. Правда, я встречал и таких русских, кто ради денег или карьеры готов стать хоть мусульманином, хоть хасидом.

– Такие есть везде. В любых странах.

– Есть, – согласился доктор. – Короче говоря, родственники царя, различные свидетели, всякие придворные утверждают совершенно противоположное о личности нашей пациентки.

– Скажите, любезный доктор, а кто оплачивает содержание мадам Чайковской?

Вздохнув, доктор, покачал головой и ответил, прижав руку к сердцу:

– Мадам Новосильцева, – прочувствованно произнес он. – Я очень хочу вам помочь. Я даже… только не удивляйтесь! Не удивляйтесь, я даже увидел в вас в чем-то близкую душу, хотя как посторонний человек и как врач не имею к тому никаких оснований, на первый взгляд. Но ваш вопрос относится к категории коммерческой тайны. А это, в отличие от тайны врачебной, – святое.

– А вы намекните, – с лукавинкой глянула на него Новосильцева. – Я никому не скажу. Честное слово. Как говорят в Швейцарии, тайна вкладов гарантируется.

Доктор оглянулся по сторонам, будто ожидал увидеть в кабинете еще кого-то. Потом наклонился к Новосильцевой и прошептал:

– Содержание Незнакомки, сироты, никому не известной, одинокой особы, полусумасшедшей, у которой нет ни род-

ственников, ни друзей, ни высоких покровителей… Ее содержание оплачивает датский королевский двор! Поняли? Но, – он прижал палец к губам, – не подведите меня.

Потрясенная, Новосильцева даже привстала.

– Всем заправляет датский посол в Берлине Херлуф Цаале. Инкогнито. Конспирирует, наводит туман. Но я знаю его, как облупленного. Слишком заметная фигура.

– Это обстоятельство, – произнесла она, – много должно означать.

– Не знаю, – покачал головой доктор. – Пусть сами разбираются. Для меня ясно одно. Эта дама – не мошенница из простого люда. Фройляйн Унбеканнт – несомненно, родилась и воспитывалась в привилегированной высокопоставленной семье. Начиная с ее редкой чистоплотности и заканчивая ее безукоризненными манерами – все ее поведение, обращение с персоналом, с больными говорит об одном: она аристократка. Это в крови. Этого невозможно достичь упражнениями или дрессировкой даже за несколько лет. Видели бы вы, как она царственно и в то же время мило разрешает мне навестить ее! И разговаривает так, словно я полгода добивался у нее аудиенции. Как благодарит меня за каждый пустяк – так благодарит своего слугу королева, подчеркивая простотой и доступностью разницу в положении. Она страшно больна, ее мучают ночные страхи, припадки ужаса и потери сознания. У нее начинается сепсис, и если доктор Руднев ее не спасет, она скоро умрет. Но воспитание за-

прещает ей обнаруживать свои чувства перед посторонними. Иногда даже мне приходится клещами вытаскивать из нее признания о самочувствии. Еле передвигаясь, пребывая постоянно в субфебрильной температуре, принимает посетителей, демонстрирует приветливость и любезность, даже шутит.

Тут доктор Бруннер спохватился.

– Кажется, милостивая госпожа Евдокия, я рассказал вам достаточно. Даже больше, чем следовало. Выводы делайте сами.

– Вряд ли я сейчас смогу сделать какие-либо выводы, – с сомнением произнесла Новосильцева.

– В любом случае желаю вам успеха.

Он подошел к платяному шкафу и достал ее пальто.

Без стука отворилась дверь, вошла медицинская сестра, другая, – глаза вытаращены, брови на лбу.

– Что такое, Герда? Что вас так испугало? – спросил Бруннер.

– Доктор!.. – выдавила из себя сестра. – Полиция!

Бруннер бросил взгляд на Новосильцеву, она недоуменно пожала плечами и затрясла головой.

– Что им нужно?

– Они насчет фрау Чайковской…

– Так проси, пусть заходят.

Вошел полицейский и без приглашения уселся перед доктором.

– Вы держите в вашей больнице некую даму, которая именует себя фрау Чайковской, – заявил он, грозно глянув на Новосильцеву и указав взглядом на дверь.

Она послушно закивала, надела пальто, медленно двинулась к двери и остановилась, задержав пальцы на пуговицах.

– Именно так, – ответил доктор. – Но что из этого следует? Почему вас заинтересовала наша пациентка?

– Ваша пациентка, – заявил полицейский, – не имеет документов. В полиции она проходит как крайне подозрительная личность неизвестного происхождения.

– Фрау Чайковская – больной человек, ее происхождение медицине не интересно.

– Вы соображаете, доктор, что говорите? – повысил голос полицейский. – А если она воровка? Или убийца? Одна такая недавно зарезала и ограбила целую порядочную немецкую семью, у которой была в услужении. До сих пор не поймали. А если она у вас скрывается? И никакая она не Чайковская, а та самая Марта Кнайль? У вашей ведь нет документов?

– Нет.

– Последнее предупреждение, доктор. Если через неделю у вашей больной не будет документов, то обещаю вам твердо: она отправится за решетку!

Новосильцева застегнула, наконец, пальто, кивнула доктору и тихонько вышла из кабинета.

3. Сложность родственных отношений

Т. Е. Мельник-Боткина

Постояв немного у выхода на лестницу, Новосильцева с удовольствием вдохнула холодный вечерний воздух, пропитанный горьковатым ароматом осенних листьев. Следовательно, королевский двор Дании. Что за дело датской монархии до какой-то бродяжки, к тому же даже не имеющей документов. Ее ведь и в самом деле могут отправить в тюрьму. Король Христиан об этом догадывается? Уж посол Цаале знает о порядках в Германской республике. Минутку,

а причем тут вообще Дания? Еще понятно было бы участие Англии. Король Георг V – дядя Анастасии, там полно кровных родственников ее матери. И почему не берлинские родные тетки, сестры императрицы Александры. Можно предположить, что Цаале действует от имени всех родственников. Опять не вяжется: она по-прежнему числится Незнакомкой, точнее, какой-то фрау Чайковской.

Ясно, почему Дания. В Дании живет вдовствующая императрица Мария Феодоровна, мать Николая Второго. И ее дочери, великие княгини Ольга и Ксения. Нет, только Ольга с мужем, никак не аристократом, простым полковником Николаем Куликовским. Хорошенькое дело. Если они ее содержат, то почему? Постороннюю содержать незачем. А свою тем более незачем прятать под чужим именем.

На стоянке в стороне от здания она увидела такси.

– Свободны?

– Да, уважаемая фрау. Вам в город? Прошу вас.

Водитель вышел, открыл перед Новосильцевой дверь, но она не торопилась садиться. На ступеньках показалась Боткина, с ней – давешний полицейский. Боткина была явно расстроена, она пыталась что-то втолковать шуцману, тот недовольно морщился, потом кивнул, взял под козырек и ушел. Оглядевшись, Боткина увидела такси и подбежала к Новосильцевой.

– Прошу прощения, мадам, за беспокойство, – заговорила она. – Вы, очевидно, направляетесь в Берлин?

– Вы не ошиблись, – приветливо улыбнулась Новосильцева.

– Могу я попросить вас о любезности взять меня с собой? Я опаздываю на парижский поезд. Разумеется, свою половину поездки я оплачу, – торопливо добавила она.

Новосильцева быстрым взглядом окинула ее потертое пальтишко с полысевшим воротником, заметила поношенные в морщинах ботики, которые, тем не менее, были тщательно начищены; фетровая шляпка-горшок – такие не носили уже лет шесть – потеряла свой первоначальный цвет.

– С большим удовольствием, – радушно ответила Новосильцева. – Однако при одном условии: никакой платы, раз уж нам все равно по пути.

– Даже не знаю, как благодарить вас, мадам, – нерешительно произнесла Боткина.

– Никак не надо благодарить. Будем считать, что вы моя гостья – пусть на время пути.

Когда машина тронулась, Боткина сняла свой ужасный горшок, поправила темные с проседью волосы, сняла нитяные перчатки – палец левой был аккуратно заштопан – и протянула руку:

– Позвольте представиться…

– Боткина Татьяна Евгеньевна, – произнесла по-русски Новосильцева, улыбнулась и пожала широкую крепкую ладонь.

Брови Боткиной взметнулись вверх.

– Вы меня знаете? – она тоже перешла на русский. – Мы знакомы?

– Нет, но надеюсь с вами познакомиться. Евдокия Федоровна Новосильцева, графиня. Бывшая. Я видела вас несколько раз в Тобольске, в тот самый год.

– Вот как! – передернула плечами Боткина.

– Той самой весной. Восемнадцатого года.

– Вот оно что… – едва заметно кивнула Боткина и отвернулась к окну. Некоторое время она разглядывала деревья, бегущие назад, потом обернулась к Новосильцевой.

Лицо Боткиной было неподвижным, глаза сухими, и Новосильцева отметила ее сильный характер: эта женщина умеет скрывать, и вытащить из нее что-либо непросто.

– У вас, кажется, есть еще брат, если не ошибаюсь, Глеб?

– Есть. Только живет в Америке. Сумел пустить там корни, – сообщила Боткина, и было видно, что отвечает она лишь из вежливости.

Они замолчали, глядели в окна, иногда улыбались друг другу, потом Новосильцева стала рассказывать о себе, о муже, о дочери. Боткина постепенно начала оттаивать. И когда авто остановилось у вокзала, Новосильцева предложила:

– А не выпить ли нам по чашке кофе с дороги? Ваш поезд скоро?

– Еще целый час. Но уговор – теперь плачу я.

– Нет, – возразила Новосильцева. – Сегодня вы по-прежнему моя гостья. Зато при следующей встрече я вам припом-

ню все! – засмеялась она.

Боткина тоже улыбнулась.

– Почему-то мне кажется, что такой случай непременно представится, – сказала она.

– Уверена, что это не последняя наша встреча, – заявила Новосильцева.

За кофе она пожаловалась, что собиралась лечь в «Мариенхаус», но ей предложили настолько неудобное время, что, видимо, придется ехать на Женевское озеро или в Баден-Баден, хотя это и очень дорого.

– Нет, пожалуй, придется отказаться, не потянем, хотя, говорят, на здоровье экономить нельзя, – закончила она.

Видно, Боткина почувствовала к ней доверие, потому что призналась, как давней знакомой:

– У меня тоже такой возможности нет. Пока, во всяком случае. Мой двоюродный дядя Сергей Дмитриевич занимает довольно серьезное положение в среде русских эмигрантов, он председательствует в Союзе помощи, это почетно, но на моей жизни никак не сказывается. Я вынуждена давать уроки русского и французского, мой муж Сергей Мельник имеет работу, но много времени тратит в другой эмигрантской организации. Мы не бедствуем, однако и в Баден-Баден не планируем, – она улыбнулась. – И все же надеемся на лучшее. Одно радует: Глеб хорошо устроился за океаном, рисует для разных журналов и газет и пишет туда же, причем английский у него всегда был хорош.

– Вы кого-то навещали в «Мариенхаусе»?

Помолчав, Боткина едва заметно кивнула.

– Да, – равнодушно ответила она. – Знакомую. Точнее, подругу.

– Я видела вас с ней. Такое чувство, что вы давно знакомы.

– Давно, – ответила Боткина. – Теперь уже кажется, целую вечность. А еще точнее, между нашей последней встречей в Сибири и новой здесь прошла вечность. Несколько эпох.

– Некоторых людей время совершенно не меняет. Одну свою знакомую я не видела двадцать лет, а прошлой зимой встретила – как будто вчера расстались, нисколько не изменилась, только пара морщинок прибавилась, ей они даже идут, придают особый шарм.

– Бывает и так, наверное, – согласилась Боткина. – В моем случае все оказалось сложнее. Впрочем, не будем об этом. Вряд ли вам интересно.

– Напротив, Татьяна Евгеньевна, мне очень интересно, – возразила Новосильцева. – Дело в том, что в Екатеринбурге мне пришлось сталкиваться с семьей императора. Вместе с другими людьми я помогала им, как могла и чем было возможно. Мы приносили семье продовольствие, даже табак для Николая Александровича. Мои спутники готовили побег, но опоздали: семью и вашего отца расстреляли раньше.

– Тогда вы должны были узнать великую княжну! – вырвалось у Боткиной.

– Вы говорите о даме, которую навещали?

– О ком же еще! О великой княжне Анастасии. Это она. Для меня нет никаких сомнений.

– Для вас нет сомнений… – медленно произнесла Новосильцева. – А вот мне приходилось быть в те времена близко с княжной, совсем рядом много раз. Ее, раненую, едва живую, избежавшую расстрела, я держала на руках. И у меня, к сожалению, возникло другое впечатление от наблюдения за пациенткой. Совершенно противоположное. Жаль, видимо, я огорчила вас.

– Нет-нет! – воскликнула Боткина и прикоснулась к руке Новосильцевой. – Вы нисколько меня не огорчили. Я уже привыкла, что ее не все узнают. Когда я впервые здесь ее увидела, тоже испытала разочарование, даже шок. Я ведь поначалу вообще не хотела встречаться с особой, которая официально обозначена как фройляйн Унбеканнт. Мне приходилось читать в газетах, что в сумасшедшем доме в Дальдорфе какая-то больная начала бредить на тему спасенной Анастасии. Слухи крепчали, кто-то ей поверил. Бывшая фрейлина императрицы Софья Буксгевден, ее в семье называли Изой, специально туда ездила на опознание, там разыгралась отвратительная сцена; Буксгевден, прекрасно знающая семью, заявила твердо: сумасшедшая – самозванка. И я так тоже считала, была уверена, что это одна из таких. Через некоторое время ко мне явилась Зинаида Толстая, подруга императрицы, вся в слезах: она якобы узнала в сумасшедшей Анастасию! Я и тогда отмахнулась. И вдруг, представьте себе мое

удивление, мой дядя, скептик по натуре, который занят таким ответственным делом и совершенно не склонен к авантюрам и на дух не переносит всякие байки о воскрешении Романовых… Так вот, Сергей Дмитриевич Боткин вызвал меня к себе и со всей серьезностью попросил съездить в Берлин и разобраться на месте. Дело в том, что великий князь Андрей Владимирович, по образованию юрист, тоже ведет расследование. Он не стал бы тратить время на какие-то басни, слухи, лжесвидетельства и никогда бы не поверил спектаклям, даже хорошо разыгранным.

– И к каким же выводам пришли Сергей Дмитриевич и великий князь?

– Пока окончательно ни к каким. Они ждут моих выводов. Я стала своего рода главным экспертом. Оба мне доверяют, учитывая мой изначальный скепсис ко всей этой истории. Еще месяц назад я была абсолютно уверена, что бедняжка Анастасия расстрела не избежала.

– Избежала! Но в больнице я увидела совершенно другого человека! – воскликнула Новосильцева.

Боткина покачала головой – то ли с сожалением, то ли с огорчением.

– Такое же впечатление было и у меня. Ведь какой я помню Анастасию? Крепенькую, коренастую, с коротковатыми ногами… Разве можно избавиться от чувств, которые основаны на старых впечатлениях!.. Вот, к примеру, девчонкой Анастасия залезла на дерево и оттуда, издеваясь, корчит ро-

жи и показывает язык часовым и даже императору, собственному отцу. Или, когда ей учитель ставит двойку, кидается в рев: ее никто не любит, все ее презирают и насмехаются из-за того, что она толстая… Она могла ни с того, ни с сего, просто шутки ради, вцепиться в волосы Марии и разодрать ей ногтями лицо – просто, чтобы дать пищу разговорам о себе. Или жалуется: «Ольга хотела стукнуть меня, но я увернулась от ее свинской руки». Или о своих школьных занятиях: «Сижу у окна и только одно вдохновение – ковыряю в носу левой рукой». Это она так шутит над самой собой. Помню, доносит отцу на сестер: «Ольга била Марию, и Мария орала на все Царское Село, как идиотка. Так ей и надо – она туфли через пятку надевает». И вдруг в больнице я вижу жуткое существо, внушающее мне ужас: истощенное лицо с искривленным ртом. Не женщина, а скелет, который еле передвигается. Уже хотела уехать. Как вдруг мне говорят: эта дама давно за мной наблюдает, просит подойти к ней, потому что я ей кого-то напоминаю. Она долго смотрела на меня, мучительно думала… И первой меня узнала. Но я все еще боялась подвоха, мне виделся искусный обман, хорошо поставленный спектакль. Но… глаза! Глаза ее отца, романовские, особые, огромные, сине-голубые, бездонные…

Боткина так разволновалась, что едва не смахнула со стола рукавом чашку.

– Но… – с сомнением произнесла Новосильцева, – согласитесь, найдется в мире много людей с похожими и даже

с одинаковыми глазами.

– Одинаковыми?.. Да! – неожиданно согласилась Боткина. – Даже с одинаковыми глазами, но не с взглядом! – порывисто выдохнула она. – Взгляд – это душа, а одинаковых душ не бывает, каждому Господь дал свою.

Она замолчала. Новосильцева терпеливо ждала, не веря ни единому ее слову. «Если поверить ей, – думала она, – то я не должна верить собственным глазам. А я своим глазам верю».

Боткина вытащила платочек и аккуратно высморкалась.

– Простите… Вообще говоря, я в своей жизни навидалась такого, что меня удивить трудно. Я к ней ездила несколько раз. Да, она меня узнала, в первый же день, хотя не сразу, вспоминала постепенно, обрывками – меня, брата, отца. Вспоминала, как болела корью в феврале, когда произошла революция, а мой отец раздевал ее перед сном и называл маленькой. Согласитесь, это интимная деталь, никто, кроме нас, о ней не знал, и уже это упоминание следовало принять всерьез. Было еще несколько моментов, тоже чрезвычайно личных…

– Например?

– Например? – задумалась Боткина. – Ну, вот вам. Анастасия всегда очень любила сладкое, особенно, шоколадные конфеты. Однажды в Царском, где она и Мария патронировали офицерский госпиталь, Анастасия подарила одному раненому коробку конфет – вишню в шоколаде. И пока с ним

беседовала, открыла коробку и так, невзначай, под разговор все конфеты и съела. Извинялась, конечно, но что уж… Да еще со свойственным ей лукавством пожаловалась, что ей никак не уследить за своим весом. Вот сейчас она вспомнила этот эпизод и снова шутила над собой…

Новосильцева тотчас согласилась:

– Да, это важная деталь. Но… тому было много и других свидетелей.

– И что же? – недовольно выпрямилась Боткина.

– Ничего. Ничего обидного я не хотела сказать, Татьяна Евгеньевна. Я только размышляю. Однако согласитесь сами: если есть другие свидетели, значит, об этом случае могло быть широко известно. Эта деталь уже не обладает уникальностью доказательства личности. А именно уникальность сведений в нашем случае может считаться решающей. Тех, сведений, которые нельзя или почти невозможно получить из других источников, например, из слухов. Или из печатных изданий.

В окно было видно, как к перрону подошел поезд на Париж. Кондукторы одновременно открыли двери вагонов и стали белыми салфетками протирать поручни. Пассажиры неторопливо направились к поезду.

– Еще полчаса, – торопливо сказала Новосильцева.

– А вы разве не едете?

– Я вас провожаю. У меня еще дела в Берлине. Может, еще по чашечке?

– Благодарю покорно. Только я предпочла бы занять свое место. Хоть и ждать, зато не волнуешься, что поезд уйдет без меня.

Она вытащила из сумочки скромную визитку и протянула Новосильцевой.

– Милости прошу, если понадоблюсь. И вообще заходите просто так. Рада была с вами познакомиться.

Новосильцева дала ей свою карточку, Боткина поднялась, протянула руку, но неожиданно снова села.

– Нет, не могу просто так уехать. Вы должны знать, с какого момента я узнала ее твердо и бесповоротно… Давно, когда мне исполнилось пятнадцать лет, мы всей семьей были приглашены на воскресную литургию в собор Царского Села. Мы с братом стояли рядом с дочерями Государя. Анастасия, она немного младше меня, стояла рядом, касаясь меня плечом. А я, надо сказать, тогда впервые надела длинное платье. И случайно наступила на подол. Анастасия, известная озорница, заметила это и легонько толкнула меня плечом так, что я едва не свалилась на какого-то пожилого господина впереди меня. Она же меня и подхватила, поддержала и в ответ на мое шипение бросила на меня свой особенный, только ей свойственный взгляд: лукаво, искоса, чуть подняв бровь и почти не улыбаясь. Вот и когда я встретилась здесь с ней в очередной раз, все еще не узнавая ее, она вспомнила тот случай и… снова взглянула на меня в той же неповторимой манере. И на ее лице, сильно изменившемся,

снова появилась та же знакомая мне с детства лукавая улыбка. Это поразило меня так, что я даже покачнулась. Словно я находилась в темном лесу, внезапно озаренном солнцем, и я увидела каждую веточку, каждый листочек… И узнала ее руки – такие же точно, как у императрицы. У них обеих средний и безымянный пальцы почти одинаковой длины и форма ногтей совпадает. Ее походка – та же, мелкая, семенящая, словно она извиняется на ходу за свои проделки. Манера шутить, когда лицо внезапно озаряется, и я готова ее расцеловать, как родную… Вы понимаете меня?

– Кажется, понимаю, Татьяна Евгеньевна, – тихо произнесла Новосильцева, думая, что такой эфемерный довод, как взгляд искоса, вряд ли может служить доказательством. – А скажите, неужели никто из родственников не заинтересовался ею? Хоть бы на всякий случай, чтоб похоронить любые сомнения.

– Родственники… – с горечью произнесла Боткина. – Что вы можете знать о родственных отношениях внутри этой касты! Там нет того, что у большинства людей – привязанность или близость по крови, симпатии, любовь, преданность, верность, готовность помочь любому только потому, что человек близким путем пришел в этот мир. Нет, я насмотрелась на Романовых, всех великих князей и княгинь. А теперь и с Гессен-Дармштадтскими столкнула судьба. Для них родственники – это такая должность при дворе. Как место в министерстве или департаменте. Пока служишь, с тобой счита-

ются. Когда ты уволен, то уже никому не нужен.

– Мне это трудно понять, – призналась Новосильцева. – Неужели ни у кого не нашлось капли сочувствия или хотя бы любопытства? Нет, я понимаю, – спохватилась Новосильцева, – было много самозванок, и это серьезный повод к осторожности. Но, тем не менее…

– Барон фон Кляйст, – сказала Боткина, – русский барон в Берлине… Он принял участие в судьбе несчастной. Обратился к ее родной тете, сестре матери, – принцессе Ирене Прусской и уговорил ее хотя бы посмотреть на Анастасию… – она замолчала.

– Опознала? – не выдержала Новосильцева.

– Принцесса сразу повела себя настолько недопустимо, даже оскорбительно, что ни о каком опознании не могло идти речи, – сообщила Боткина, нахмурясь.

Новосильцева внутренне усмехнулась, хотела промолчать, но бес ее дернул:

– Не совсем поняла: опознание не состоялось, и потому поведение Ирены Прусской вы расцениваете как недопустимое?

– Да, именно так: вы не поняли, Евдокия Федоровна, – обдала ее холодом Боткина, гордо выпрямившись. – Все наоборот. Принцесса повела себя ужасно с самого начала. Ничего хорошего из той встречи не вышло. Теперь единственная моя надежда на Ольгу Александровну, сестру царя. Это любимая тетя Анастасии. Княжна мне сообщила одно сек-

ретное словечко – шутливую кличку, которую тетя дала племяннице. Тут никто не станет кивать на слухи или известные всем сведения.

– Секрет?

– Именно. Семейный секрет. Ольга Александровна живет в Дании, по сути, в нахлебницах у королевского семейства, при ней ее муж – не князь и не аристократ вообще. Так что княгиня не заражена высокородной спесью, ее не душат условности, она простой добрый человек и, конечно, сердце ее не может не отозваться на судьбу племянницы, которая пребывает в столь ужасном положении. Я напишу ей сразу, как приеду, – она поднялась. – Теперь мне уже надо поторопиться.

Но, прежде чем попрощаться, Боткина спросила, пристально глядя Новосильцевой в глаза:

– Мне, признаться, не свойственно так откровенничать с незнакомыми. Но мне показалось, вы искренне заинтересовались судьбой несчастной княжны.

– Вы не ошиблись. Мало того, я хотела бы докопаться до истины.

– В таком случае не завидую вам, – усмехнулась Боткина. – Вас ждут большие разочарования, неприятные открытия и, быть может, личные трудности. Я подобное пережила и боюсь, что это только начало. Вы же слышали? Ей угрожает полиция. Из-за отсутствия документов, удостоверяющих подлинное имя. Это все герцог Гессен-Дармштадтский,

ее дядя! Родной дядя, его происки, будь он проклят! Он и до вас доберется.

– Трудности меня не пугают, – просто ответила Новосильцева. – Был бы смысл. А скажите, Татьяна Евгеньевна, – спросила она, пожимая Боткиной руку, – почему вы с ней говорили по-немецки?

Неожиданно Боткина посмотрела на нее с нескрываемой враждебностью.

– Опять всё то же! Великая княжна не говорит по-русски.

Новосильцева опешила.

– Как так не говорит по-русски? Это же абсурд! Ведь я с ней говорила именно по-русски. И в Тобольске, и в Екатеринбурге.

– Это непросто объяснить, – отрезала Боткина. – Я могу опоздать. Прощайте.

Пожав руку Новосильцевой, она торопливо зашагала к поезду. Новосильцева вышла следом на перрон. Войдя в вагон, Боткина оглянулась, махнула ей рукой и скрылась. Новосильцева направилась к стоянке такси на вокзальной площади.

В своем гостиничном номере, собираясь на ночной поезд, она недоуменно размышляла над последними словами Боткиной. Налицо противоречие, которое разрешить в пользу великой княжны Анастасии невозможно.

Она помнила, что Александра Федоровна была внучкой английской королевы Виктории, юность провела при дво-

ре бабушки, так что по воспитанию была скорее англичанкой, нежели немкой. С мужем она почти всегда говорила на английском, с детьми тоже, иногда на немецком и русском. С прислугой, конечно, по-русски, который так толком и не выучила. Но все равно! Анастасия не только достаточно хорошо говорила по-русски, они некоторые свои письма писала по-русски, она шутила по-русски и озорничала, можно сказать, тоже по-русски. Не может быть, чтобы великая княжна не знала родного языка. Хотя трудно сказать, какой язык для нее был родным. Отец наполовину датчанин, а другой половиной – почти чистый немец. Мать чистая немка, так что, по идее, родным языком Анастасии можно посчитать немецкий – язык матери. С другой стороны, Романовы – русская правящая династия. А император Александр Третий был таким яростным русофилом, каких и среди тогдашних националистов не сыскать. Странно все это. И насчет родственных отношений. Семья царя была обычной, нормальной, весьма дружная. Хотя…

Тут Новосильцева вспомнила удивительный эпизод из жизни Романовых, ей о нем рассказывал полковник Скоморохов.

Где-то в десятых годах царская семья находилась в Спале, на охоте. И там Алексей, катаясь на лодке, споткнулся, упал и сильно ушибся. Травма оказалась опасной для жизни, суставы ноги страшно отекли, жидкость не отходила, и мальчик ужасно страдал от невыносимой боли. Он так кричал

круглые сутки, что слышно было на обоих этажах, и спастись от его криков было невозможно. Родные и даже прислуга затыкали уши ватой и старались проскочить мимо комнаты с Алексеем. Доктора стали говорить о смертельном исходе. Но Романовых посещали гости! Немецкие родственники, члены королевских домов Румынии и Греции. И, чтобы заглушить крики несчастного ребенка и не портить настроение гостям, Романовы решили устроить шумный домашний спектакль с музыкой, барабанами и буффонадой. Самый большой успех имела Анастасия – она играла мужскую роль, наряженная в армейские брюки отца, которые слетели с нее в точно рассчитанный момент, и все увидели егерские кальсоны, которые она взяла у отца. Этот эпизод вызвал особенно бурный восторг. Вместе со всеми хохотала и мать императрица Александра, скрывая в душе последнюю надежду. Она только что послала телеграмму в Сибирь Распутину с просьбой помолиться о сыне.

После спектакля ей принесли ответ. Распутин сообщал: «Пусть доктора не мучат дитя, маленький будет жить».

Через два часа крики прекратились, через час Алексей уснул впервые за несколько суток, а через два дня был здоров.

Так что Боткина права: принцип nobless oblige – положение обязывает – в этой среде важнее родственных привязанностей и чувств.

Любопытно, что ответит Боткиной любимая тетя Анаста-

сии и что за секретное словечко знает пациентка «Мариенхауса». А ей самой, видно, придется еще раз приехать в Берлин.

Утром она была в Париже. Шофер донес ее чемодан до лифта, консьержка, полуслепая ото сна, поздоровалась и сообщила:

– У вас гость, мадам. Со вчерашнего вечера.

– Кто же?

– Тот милый месье, который месяц назад вышел из вашей квартиры со сломанной рукой.

– Он пришел к нам в квартиру со сломанной рукой, – сердито уточнила Новосильцева. – Тогда месье оказал мне и ребенку огромную услугу и заплатил за это переломом руки, а я дома оказала ему помощь.

– Он у вас ночевал.

– Что ж, превосходно.

Войдя в квартиру, она услышала из кухни голоса – мужа и Сергачева, они, видимо, завтракали не торопясь, день был воскресный.

– Вам ничего не нужно делать сложного, Василий Филиппович. Только держать связь с генералом Скоблиным.

– Неужели? – послышался голос мужа. – Скоблин, муж Натальи Плевицкой, тоже ваш агент? А ведь она своими песнями так искренне прославляет царскую Россию и белое воинство, проклинает большевиков.

– Очень убедительно проклинает, да.

– А какова роль Скоблина в РОВСе?

– Он один из самых приближенных генерала Миллера, теперь уже вашего главного начальника. От Скоблина нужно нам одно: в необходимый момент вывести Миллера на улицу, где его будет ждать авто с вами за рулем, вы отвезете его в указанное место. А в порту Марселя советский пароход… – Сергачев вдруг замолчал, видимо, услышал, как Новосильцева поставила чемодан на пол.

Из кухни вышел Разумцев и обнял жену.

– Евдокия Федоровна из Берлина вернулась! – крикнул он в сторону кухни.

Там сидел смущенный Петр Петрович – он поднялся, держа на весу правую загипсованную руку.

– Так, – зловеще произнесла Новосильцева. – Что здесь происходит?

– Вот, – Сергачев поднял правую руку, – приехал к своему лекарю гипс снимать.

– Во-первых, я вам не врач, – грозно сказала Новосильцева. – Во-вторых, снять гипс вы можете и сами, достаточно по нему ударить молотком. Лучше ответьте немедленно и честно: во что вы втягиваете моего мужа? Причем, без моего ведома. И кто вам такую наглость позволил?!

– Как раз за вашим одобрением я и пришел, – скромно опустил глаза Петр Петрович. – Василий Филиппович без вашего согласия не сделает и шагу.

– Рассказывайте! – приказала она Сергачеву. – Прошу

максимально подробно, в деталях.

– Мне, вообще-то говоря, уже нужно идти, – неожиданно заторопился Петр Петрович. – Опаздываю на встречу, важный контакт.

– Струсили? – прищурилась Новосильцева.

– И это есть немножко, – признался Сергачев. – Вот Василий Филиппович все знает. Ведь вы же все равно учините допрос – так, Евдокия Федоровна?

– Еще какой! – пообещала она. – С пристрастием. Нет, какова наглость! Сначала пустите в избушку хвостик погреть, а потом и избушку отдайте, да?

– Мое руководство полностью доверяет вашей супруге, – Сергачев улыбнулся Разумцеву. – Полностью… Хотя и в известных пределах, – загадочно добавил он.

– В пределах?! – разъярилась Новосильцева. – Известных кому? Шпионы недоученные, мальчишки! А я, старая лиса, а на самом деле, старая дура сунула голову в ваш горшок с квашней, растрогалась, прослезилась… Вы хоть и молоды, Петр Петрович, но уже прожженный циник. Я вас ненавижу!

Петр Петрович согласно кивал головой, переглядываясь с Разумцевым, тот пожал плечами: он знал, что сейчас жене мешать нельзя, она должна высказаться.

– Вот! Заберите свою филькину грамоту! – она швырнула ему письмо с подписью Вайса. – И съешьте на моих глазах. Зачем я только взяла ее? Совсем потеряла разум. Решила, молодые соображают лучше. Оказалось, совсем не сообра-

жают.

– Не помогло? – расстроился Петр Петрович.

– Чуть не спалилась! Только след напрасно оставила.

Она уселась за стол и требовательно уставилась на Сергачева.

– Никуда вы не пойдете! Начинайте, – приказала она.

– Мне еще не приходилось есть бумагу, – признался Петр Петрович.

– Надо же когда-то начинать, – резонно заметила Новосильцева. – Ладно, давайте сюда, слабак. Я сожгу вашу подорожную.

– Следов не останется, – заверил Петр Петрович. – Германия накануне смены власти, Гитлер сломает и заменит всю государственную систему, о Вайсе никто и не вспомнит.

– Не верю я вашим гороскопам! – отмахнулась она. – Кто возьмет власть? Крошечная партия хулиганов и лавочников. Им, видите ли, евреи мешают торговать. Так пусть учатся торговать лучше.

– Все решают не лавочники, и не численность партии, а идеи. И финансовый капитал. Идеи фашизма неотвратимо охватывают всю Европу. А Германия к тому же жаждет реванша. Новая мировая война неизбежна.

– И никто не способен Гитлера урезонить? А Англия?

– Англия? Ей-то зачем? – фыркнул Петр Петрович. – Ей только на руку война на Востоке. Урезонить нацистов могут только коммунисты.

– А социал-демократы?

– Помните Горького? «Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах…» Вот вся немецкая социал-демократия, как, впрочем, любая другая. Проголосовали за первую мировую войну, трусливо проголосуют и за вторую. Но их и спрашивать никто не будет. Гитлер со своими противниками поступит просто: часть запугает, остальных перебьет. Это очень решительный парень. Но все дело сейчас в том, что его поддерживают или готовы поддержать наши эмигранты – монархисты, русские фашисты, часть РОВСа, зарубежная православная церковь, князья, графья и прочая, и прочая… Но знаю, и советское правительство тоже не сомневается, что и в среде эмиграции немало порядочных людей. Им судьба Родины небезразлична.

– «И прочая!..» – передразнила Новосильцева. – Графья, понимаете ли. Не забыли о моем происхождении? Думаю, после того, что я здесь услышала, вам надеяться не на что.

– Не могу с вами согласиться, – улыбнулся Петр Петрович. – Мое начальство считает вас и Василия Филипповича настоящими русскими людьми, патриотами, для которых спасение России важнее политических предпочтений.

– Разболтался, будто на митинге в Петрограде… – проворчала Новосильцева. – Вижу я, как вы меня уважаете и цените. За моей спиной!.. Мужа втянули черт знает во что.

– Василий Филиппович все объяснит, – примирительно произнес Сергачев.

– Значит, бродяжка из Берлина вам уже не интересна?

– Настоящая оказалась? – загорелся Петр Петрович.

Покачав головой, Новосильцева вздохнула, походила по комнате и остановилась перед Петром Петровичем.

– Верите ли, – совсем другим тоном призналась она. – Впервые в жизни не могу сказать ни «да», ни «нет». Хотя не спала всю ночь от Берлина. Скажите мне в последний раз: ее личность действительно так важна для Москвы?

– Очень важна, – подтвердил Петр Петрович. – Среди русских эмигрантов, особенно в высшем монархическом совете по-прежнему нет единства. Великий князь Кирилл хоть и объявил себя царем, но его мало кто признаёт. Много таких, кто считает более достойным великого князя Николая Николаевича, дядю царя. Но если появится реальная дочь Николая Второго…

– Разве салический закон ей не помеха?

– В законе о престолонаследии Павла Первого есть лазейка. Я вам говорил.

– И Россия примет идею монархии?

– Шутите? – усмехнулся Петр Петрович. – Россия едва излечилась от этой идеи. Россия знает одно: сражаться в случае войны! Однако если враг притащит нам из-за границы царя, это смутит некоторые умы. Особенно среди неграмотного крестьянства, еще недавно желавшего одновременно и царя, и советскую власть. Да и коллективизация, особенно ускоренная, нанесла мужику немало травм.

– Значит, мне снова ехать в Берлин, – недовольно сказала Новосильцева. – Вы и ваше начальство, надеюсь, не забыли, что семью содержит только муж, а горничной я доплачиваю за круглосуточное проживание, пока катаюсь по другим странам.

– Нисколько не забыли! – заверил Петр Петрович.

– В Германии всё дороже, – напомнила Новосильцева.

– И это будет учтено. А теперь позвольте откланяться.

– Ступайте! Видеть вас не хочу.

4. Шуцман Халльсман спасает Неизвестную

– Я тебе этого никогда не прощу! – прошипела Новосильцева, когда Петр Петрович ушел. – Нет, я сама виновата. Нельзя было связываться с этим большевиком.

– Что-нибудь удалось прояснить? – поинтересовался Разумцев.

– Не увиливай! Ты даже не представляешь, в какую беду можешь нас втравить. Простой заводской мастер, хоть и бывший офицер, никакого навыка конспирации, никаких основ безопасности…

– Вот и поможешь, – примирительно улыбнулся муж.

– Никогда! – отрубила она. – Завтра же откажи этому наглому мальчишке.

– Уже поздно, – виновато вздохнул Разумцев. – Я дал слово.

– Он дал слово! – разъярилась Новосильцева. – В наши времена даже твое слово ничего не стоит, если на весах благополучие и жизнь ребенка.

Она замолчала.

– Налей мне коньяку, – приказала она.

– Как? С утра? – поразился Разумцев.

– А кто меня до этого довел? Легкомысленный, безответ-

ственный человек.

Она одним духом осушила рюмку. Помолчала.

– Скажи честно, он шантажировал тебя? Угрожал открыть мои старые связи с чекистами? Грозил местью белых, если ты не согласишься?

– Ни единым намеком! – твердо заявил Разумцев. – Просто рассказывал о другом.

– Выкладывай все, – потребовала Новосильцева. – Соблазнял, обещал убежище в Советской России, да? Деньги, жилье, безопасность.

– Нет, ничего не обещал.

– Так почему же ты сдался?

– Не сдался, Дуняша, а согласился. Подумал, что можно спасти много людей от бессмысленного истребления.

Вербовочный подход к Разумцеву Петр Петрович сделал еще до встречи с Новосильцевой. Ему пришлось несколько раз запрашивать центр, прежде чем он получил разрешение подробно сообщить Разумцеву о деталях операции советской разведки.

По основной легенде, Пьер Легран – свободный репортер. Но для белых военизированных и монархических организаций он – тайный представитель во Франции подпольной «Внутренней русской национальной организации» (ВРНО) в Советской России. В ВРНО входят не только мелкие чиновники, бывшие офицеры, торговцы, юнкера, но и крупные советские госслужащие вплоть до ответственных работников

наркоматов. Особенно воодушевилось руководство РОВСа, узнав, что к ВРНО примкнули видные военачальники, в основном, из числа бывших царских генералов и старшего офицерства.

Но нашлось в РОВСе и немало скептиков. У многих на памяти была еще судьба Бориса Савинкова, которого чекисты выманили из-за границы легендой о сильном террористическом подполье. Но как только он ступил на землю РСФСР, скрутили, выкачали из него самые ценные сведения и вышвырнули из окна третьего этажа тюрьмы.

На ту же удочку глупо попался бывший одессит Шлема Розенблюм, больше известный под именем Сиднея Рейли, английский разведчик, о котором ходили легенды. На самом деле, это был самый бесполезный агент. Одним талантом обладал Рейли – сочинять сказки о своих подвигах. Вся его карьера в действительности состояла из сплошной цепи неудач. Как и Савинков, он доверчиво схватил приманку, поспешил в Советскую Россию готовить массовые диверсии и теракты с помощью несуществующего подполья. Его тоже чекисты сначала выпотрошили, а потом расстреляли. А чтобы у начальства Рейли не возникло опасений, что знаменитый агент МИ-6 заговорит на допросах, поменяли события местами. Сначала инсценировали смерть Рейли на границе при переходе, а затем вывернули его наизнанку.

Так что информации Сергачева поверили не все. Поэтому РОВС отправил в Россию своих инспекторов. Те встре-

тились с фальшивыми руководителями фальшивой подпольной организации и убедились: подполье существует, расширяется, крепнет и скоро превратится в силу, способную осуществить государственный переворот и восстановить власть белых. Конечно, если заговорщиков поддержит РОВС и монархические военизированные организации.

И опять в РОВСе нашлись скептики. Послали еще нескольких инспекторов. Новые убедились, что за это время подпольный центр набрал еще больше сил.

– Они что там, в твоем РОВСе, совсем с ума посходили? – удивилась Новосильцева. – Нужно совсем потерять разум, чтобы даже мечтать о перевороте в России сейчас.

– Ты не права. Все очень серьезно, – не согласился Разумцев. – За РОВСом большие деньги, союз должен их отработать. Планы готовы. Сначала РОВС организует сотни диверсий на железных дорогах, заводах, шахтах, электростанциях, теракты против крупных руководителей, видных инженеров и даже ученых. Значит, будут большие жертвы. Одновременно в Лондоне или в Париже создается правительство в изгнании, которое тут же будет признано всеми странами Европы, которые неудачно участвовали в интервенции. На территориях Румынии и Польши создадут отряды вторжения, в которые запишется немало людей…

– Не понимающих, что их ждет на самом деле, – подхватила Новосильцева.

– Истребление, конечно.

– Тем не менее, кровавая каша заварится.

Из всего, что успел узнать в РОВСе его новый член бывший капитан Разумцев, Новосильцева сделала вывод, что в руководстве полного единства нет. Одни думают, что подпольный центр – идея подозрительная. Другие уже сегодня рвутся пересечь границу СССР. А у ОГПУ свои цели: нанести упреждающий удар. Для этого снова выманить в Россию наиболее крупные фигуры и обезглавить РОВС.

– Так вот куда девался генерал Кутепов, – поняла Новосильцева. – Не зря ходили слухи о его похищении. Теперь хотят повторить тот же фокус с Миллером. И ты?..

– В деле генерал Скоблин, муж Плевицкой, и Сергей Третьяков – тот, кто был министром в правительстве Колчака, так что доверие ему полное.

– С ума сойти, даже Третьяков агент ОГПУ, – удивлялась Новосильцева. – А Наталья-то! Вот тебе и курский соловей, как ее называл Николай Второй.

– Не понимаю, что тебя удивило. Сюда приезжали от имени подпольного центра бывшие царские генералы убеждать Миллера, что игра стоит свеч.

– Я удивляюсь несопоставимости. Певичка, любимица всей белой эмиграции – и агент страшного красного ОГПУ! Узнать бы, на чем ее взяли.

– Да не все ли равно, – заметил Разумцев.

– Все равно, – согласилась Новосильцева.

Пообедали на кухне. Мари-Жанна ушла с ребенком

на прогулку, а Новосильцева потребовала от мужа еще одну рюмку коньяку.

– А как твое расследование? – спросил он.

Она с сомнением покачала головой.

– Темное дело. И обещает быть гнусным.

– Ты так и не узнала ее?

– Вот именно сейчас я поняла: точно не она, – решительно ответила Новосильцева. – Но есть несколько деталей в ее пользу, не очень существенных. Поеду в Берлин, проверить для чистоты результата. Пока ни о чем больше не спрашивай.

Выйдя на свой ежедневный патрульный маршрут вдоль Ландверского канала от центра, где располагался полицай-президиум, и в направлении к западной части города, сержант полиции Людвиг Халльсман с ужасом пришел к выводу, что его жизнь кончена. Самый достойный выход – пуля в висок, как подобает настоящему слуге германского государства. Полицейскому тем более. Особенно с таким образцовым послужным списком, как у него. За десять лет ни одного взыскания, только поощрения начальства. А недавно обещали направить на офицерские курсы. Но какие уж тут курсы – всё, тупик, пропасть под ногами, отвернуть в сторону не удастся.

Проходя мимо арочного Бендлерского моста, сержант подумал: вот и другая возможность покончить и с катастрофой, и с позором, но… Нет, ведь на нем мундир, который внушает уважение каждому доброму немцу. Утопиться – значит, унизить честь мундира, замочить и замарать грязной водой канала.

Вчера весь Берлин и вся Германия сошли с ума. И вместе с ними потерял разум и надежды сержант Халльсман. Подобно сотням тысяч берлинцев и немцев других городов он несколько месяцев назад словно сорвался с цепи. Германия, где бушевала чудовищная инфляция, где бутылка шнапса утром стоила миллион марок, а вечером десять милли-

онов, и большинство бедняков можно было назвать поэтому миллионерами, повально бросилась богатеть. Биржа, различные чековые и инвестиционные фонды, другие держатели ценных бумаг, которые стали продаваться на каждом углу, вдруг остервенело начали предлагать доверчивым немцам неслыханный дисконт за различные акции и другие активы. В считанные месяцы в стране безработицы и разрухи, ежедневных, чуть не массовых убийств и грабежей, политических кровопролитий, была выстроена целая пирамида Хеопса, только финансовая. Немцы кинулись за доступным каждому богатством, продавая ради ценных бумаг последнее – вещи, драгоценности, земельные участки, квартиры, дома, фермы… Сержант Халльсман продал двухкомнатную с кухней и замечательным чуланом, с туалетом в квартире и даже с ванной. И вместе с женой и ребенком переселился в конуру в мансарде в предвкушении, что скоро купит настоящий особняк за городом. Потом, обуянный еще большей жадностью, продал конуру и влез в сумасшедшие долги, чтоб купить дополнительно акции «Круппа и Тиссена», предприятия надежного, как скала. Семью отправил в деревню. Сам ночевал в чулане борделя, за которым приглядывал вместе с напарником.

Финансовый пузырь, в котором оказалась вся Германия, продолжал надуваться. Но всему приходит предел. И в одну ночь пузырь оглушительно лопнул. Все будущие богатства, ради которых люди отдали последнее, превратились в пепел.

Небольшая кучка финансистов и биржевых пройдох ограбила все остальное население, баснословно разбогатев на финансовом крахе страны. Дельцы, обещавшие обогатить всех желающих, присвоили всё, нанеся Германии такой сокрушительный удар, какой не нанес бы и внешний враг.

Сегодня сержант Халльсман ночевал в борделе в последний раз – так он сам решил, и твердо. Ему уже не выбраться. И хотя на службе обещали платить уже не обесцененными бумажками, а только что введенной рентмаркой и даже возрожденными пфеннигами, выхода все равно не было. Чтоб расплатиться с долгами, не хватит всей жизни.

Неожиданно он ощутил сильный толчок – что-то мягкое, пахнущее духами едва не сбило Халльсмана с ног. Он очнулся.

– Ох, господин офицер! Простите меня, загляделась, куда не следует.

Перед ним стояла, поправляя шляпку с вуалеткой, невысокая дама в дорогом клетчатом пальто с шалевым воротником. Она весело, без капли смущения улыбалась ему прямо в лицо. В изумрудных глазах сверкали дерзкие искорки. Нет, вроде из приличных.

Сержант прижал два пальца к каске.

– Не офицер, уважаемая фрау или фройляйн. Сержант Халльсман, шестой участок, к вашим услугам.

– Не против воспользоваться вашими услугами, – заявила красавица, продолжая нахально улыбаться.

Сержант вгляделся в нее внимательнее. Нет, она точно не из тех, кто зазывает клиентов в отели. Даже не из дорогого борделя. Но в любом случае не местная. Своих подопечных он знал хорошо.

Нахалка неожиданно положила свою ладошку на лапу полицейского и с чувством пожала ее.

– Вы, конечно, решили: вот такая легкомысленная ходит по улицам, нарушает правила движения, и вы будете правы, офицер!

– Не решил, милостивая госпожа. Со всяким может случиться. Спокойно следуйте своей дорогой, к вам никаких претензий нет.

– Благодарю вас! Я так и думала, что вы меня не арестуете.

– Сегодня – нет, – уже недовольно сказал Халльсман и сделал шаг в сторону, чтоб отвязаться.

– Ой! – воскликнула дама. – Что это у вас под ногами?

Сержант глянул на землю и остолбенел. У правого сапога лежала новенькая, словно только что из банка, банкнота в сто рентмарок.

Он растерянно огляделся по сторонам. Люди спокойно проходили мимо, никто не предъявлял на купюру прав.

– Может, это ваши деньги, вы обронили… – пролепетал сержант.

– Ни в коем случае! – уверенно заявила дама, широко раскрывая глаза. – Мои деньги на месте. Я проверяла.

Теперь зеленоглазая нахалка стала чем-то нравиться сер-

жанту. Он снова огляделся, медленно поднял купюру и стал рассматривать ее.

– В таком случае, – убито произнес он, – необходимо составить протокол, оформить деньги как находку. И вернуть владельцу, когда он объявится. Вы согласны быть свидетелем, подпишете протокол?

– Какой еще протокол? Какому владельцу? – изумилась дама, ее густые черные брови взлетели. – Ведь владелец – вы!

– Ошибаетесь, уважаемая госпожа, – промямлил несчастный сержант.

– Нет, это вы ошибаетесь! – энергично возразила дама. – Я своими глазами видела, как эта купюра выпала из вашего кармана.

И она указала, из какого. Из правого кармана шинели, откуда никакая бумажка вообще вылететь не могла.

– Своими глазами? – все-таки усомнился сержант. – Из этого кармана?

– Именно из этого, – заявила дама. – Я никогда в таких случаях не ошибаюсь. Если угодно, составьте протокол. Я с удовольствием подпишу как свидетель: лично видела, что деньги выпали у вас.

Но сержант все еще не решался. Потом все-таки сказал:

– Если вы подтверждаете, что из моего кармана, то в таком случае не пострадают интересы никакого другого лица.

– Ничьи! Никакого лица! – радостно подтвердила дама.

Он медленно положил банкноту в тот самый правый кар-

ман и уже не вынимал из него руку.

– В таком случае, – повеселел сержант, – позвольте вас чем-нибудь отблагодарить за ваше острое зрение и внимательность.

– О, не откажусь! – обрадовалась дама. – Чашечку кофе. И, если можно, два эклера. Нет, – спохватилась она, – один. Это такое мучение – следить за фигурой, – пожаловалась она, капризно скривив яркие губки.

Незаметно оглядев ее ладную фигурку, сержант подумал, что такая и впрямь требует больших трудов. Он пригласил даму в локаль «Веселая обезьяна», вполне приличное заведение, где он сам столовался бесплатно, но скромно – две сосиски с тушеной капустой и ячменный кофе с маленьким сухим кексом, иногда кружка имбирного пива.

– Самый лучший кофе даме и кремовый эклер, – приказал он официанту Фрицу, немедленно подбежавшему к столику. – А мне, как всегда. У тебя сегодня сосиски с кошатиной или с собачатиной?

– Есть и те, и другие, – невозмутимо ответил официант. – Какие предпочитаете?

– Смотри у меня! – пригрозил Халльсман. А даме, раскрывшей глаза от изумления, пояснил: – Шутка. Мы здесь так шутим много лет. Но тут все настоящее для уважаемых господ. Неужели вы думаете, я не отличу свиную сосиску от собачьей? Но для публики попроще пойдут и собачка, и кошечка. Времена такие. Но не на моем участке.

– Какой ужас… Как же изменилась жизнь в Германии!

– Она всегда была трудной для простых немцев, а после войны – особенно. А не похоже, что вы немка.

– Я приехала из Франции, – сообщила дама и протянула руку. – Лилия Чарская, писательница.

Он осторожно пожал ее мягкую лапку.

– Чарская… – он вежливо наморщил лоб. – Кажется, моя жена читала ваши книги. Вы про индейцев пишете, да?

– Сомневаюсь. Я публиковалась, в основном, за границей и то до войны. В стиле имажинизма.

– А это приличная литература? – смутился сержант.

– Очень. Приличнее не бывает.

– Так я понимаю, вы приехали, чтоб про Германию написать. Напишите, как нас всех тут обокрали. Жизнь – собаке позавидуешь, и то не всякой.

– Это будет не имажинизм, – дама откусила крошечку от пирожного и запила глотком кофе. – Меня другое интересует. Все, что случилось семнадцатого февраля двадцатого года в девять вечера. Как раз ваше дежурство.

Сержант вспомнил моментально, потому что подобных случаев с тех пор на его службе больше не было. Но засомневался.

– Не знаю, имею ли право… Есть инструкции, предписания разные. Надо бы в них заглянуть сначала. Вдруг там какой запрет.

– Не стоит, – посоветовала Чарская. – Только время зря тратить.

И прежде чем сержант открыл рот, добавила удивленно:

– Вот интересно! Вы обронили еще сто марок. Вот, на столе. Я хорошо видела: они выпали прямо из вашего рукава.

Действительно, около его тарелки светилась радужными узорами и цифрой «100» еще одна новенькая банкнота. Теперь сержант почти не удивился чуду, но подумал, что надо бы на всякий случай осмотреть всю свою одежду до нижнего белья.

– Я все хорошо помню, – сказал он.

Ландверский канал. Берлин

Был февраль, шел отвратительный ледяной дождь пополам со снегом. Проходя мимо моста, сержант Халльсман услышал крик, потом плеск воды. Он бросился к ограде канала, включил электрический фонарик и увидел спину утоп-

ленника в воде. Очевидно, самоубийца не рассчитал и глотнул лишнего воздуха. Течение медленно увлекало тело вниз.

Халльсман ни секунды не раздумывал. Прыгнул в лодку, через минуту уже вытащил утопленника за волосы – это оказалась женщина. Уложил в лодку, подхватил шаль, которая плавала рядом. Скоро был на берегу, где его уже ждали другие полицейские и небольшая толпа любопытных. Он осторожно положил тело на землю. Длинные мокрые волосы облепили лицо утопленницы. Она закашлялась, выплюнула воду и открыла глаза.

В ближайшем участке ее напоили горячим кипятком, переодели в сухое. Одежда ее висела около печки – черная шерстяная юбка, какие носят бедные работницы, прачки или торговки овощами. Простые черные чулки, но блузка из тонкого полотна, с кружевами. Высокие шнурованные ботинки почти не ношены. И еще ее шаль – тоже для бедных. И все. На одежде никаких фабричных меток, похоже, все домашнего изготовления. Как она, раздетая, оказалась на мосту под таким дождем, в такой холод?

Она сидела между двумя полицейскими и доктором, испуганно съежившись и обхватив плечи обеими руками, с виду ей было лет двадцать. На нее сыпались вопросы, но она не отвечала, только вздрагивала каждый раз, мигая огромными голубыми глазами, словно ожидая удара после каждого вопроса. Наконец, сержант Халльсман схватил ее за плечо, встряхнул и крикнул:

– Ты понимаешь, что ты – самоубийца! А это преступление. Тяжкое. За решетку отправишься. Прямо отсюда. Отвечай, когда спрашивают.

В глазах ее выступили слезы. Лицо, и без того перекошенное, сморщилось, словно печеное яблоко. Женщина всхлипнула, прикрыла левую часть лица ладонью и с трудом произнесла:

– Я ни о чем не просила… Я не просила меня спасать.

Выговор у нее был явно не берлинский.

– Иностранка, что ли? – спросил ее сержант. – Или из Саксонии? Может, кашубка? Или русская? Кто ты? Назови свое имя! Адрес! Работаешь или уволена?

Незнакомка отчаянно затрясла головой.

– Я ни о чем не просила, – прошептала она.

Больше она не произнесла ни слова.

Тем временем ее одежда высохла. Ей предложили переодеться. Она не торопилась, умоляюще глядя на мужчин. Когда полицейские снова вошли в комнату, сержант обратил внимание, что она довольно миловидна, только страшно худа. Удивительно, но руки совсем не рабочие, изящной формы.

Она уже не тряслась, только смотрела исподлобья перед собой, прикрывая ладонью часть лица.

– Да не старайся ты, – сказал ей гебрайтер Шуман. – Все равно вытащим из тебя всю подноготную. Может, ты убила кого. Свое дитя, например.

Она крупно задрожала и затрясла головой:

– Нет-нет-нет!.. Я никого не убивала.

– Все вы так говорите, пока из вас признание не выбьешь! – заявил Шуман. И обратился к доктору. – Что будем с ней делать?

– На Лютцовштрассе ее. Для начала, – решил доктор. – А там посмотрим.

В протоколе спасенную записали как «фройляйн Унбеканнт», то есть Неизвестная. Так она прошла и по документам Елизаветинской больницы для бедных на Лютцовштрассе, куда ее доставил Халльсман.

Там ее еще раз осмотрели, теперь очень подробно, как требует врачебная инструкция, взвесили, измерили рост, размеры ноги, записали словесный портрет.

– Всего в ней было пятьдесят килограммов при ста шестидесяти сантиметрах, – вспомнил сержант. – Пушинка. Дама желает еще чашечку? – он тут же пожалел о своей щедрости, но было поздно.

Дама не отказалась, и сержант продолжил, пропуская мелкие детали, чтобы поскорее отвязаться.

На ее худеньком теле обнаружилось множество шрамов, лицо частично изуродовано. Потом врачи определили: очевидно, от удара тяжелым предметом, быть может, прикладом ружья. У фройляйн были сломаны челюсть и носовая перегородка, выбиты шесть зубов, явно расплюснуты губы, что, конечно, несколько изменило ее первоначальную внешность.

За ухом справа обнаружилась вмятина, в нее можно было вложить палец. На спине под правой лопаткой след от ожога, похоже, косметического.

Неожиданности начались, когда Халльсман приступил к дактилоскопии. Незнакомка не давала сделать отпечатки, норовила выкручивать пальцы и даже попыталась укусить сержанта за руку, но он справился. Когда ее начали фотографировать, она крутила головой, гримасничала, явно стараясь изменить внешность. Но, в конце концов, и тут справились.

– Это в Елизаветинской больнице вы все делали? – спросила дама.

– Нет, фотографировали уже в государственном институте здравоохранения и опеки. Туда везут бедных, неимущих, потерявшихся. Это в районе Виттенау, на северо-западе.

– Знаю, – кивнула Новосильцева. – Сумасшедший дом в Дальдорфе.

– Да, так тоже называют, – согласился сержант. – Уж очень много хлопот она задала в Елизаветинской. То вообще молчит, ни на один вопрос не отвечает, даже на врачей не обращает внимания. Целыми днями прячется под одеялом. То огрызается, отказывается от еды, всех посылает к чертям. Словом, уважаемая госпожа Чарка…

– Чарская.

– Да, простите. Короче, врачи записали меланхолию, депрессию, еще что-то… Потерю памяти, дальше не помню.

– Значит, не дает скучать персоналу.

– Об этом, уважаемая фрау писательница, вам лучше поговорить с персоналом, – заметил Халльсман. – Я – что? Было еще приказано мне разослать ее фотографии и отпечатки пальцев по участкам Берлина, потом по другим землям по всей стране. Ничего, все без толку. Среди преступников или разыскиваемых не числится. Допрашивали о родственниках. Ответила: никого. Вроде как сирота. Родители умерли, братья и сестры тоже. Мужа тоже нет. Одна, стало быть. Но доктора установили: рожала. Где ребенок? Говорит, умер. Мы предложили, давай отыщем твоего женишка, пообещали, что заставим его позаботиться о ней. Вот тогда я впервые увидел, как она смеется – лучше бы не видел. Смеется, будто рыдает. Мы дали объявления в газеты, что вот, имеется такая потеряшка. Десятки людей приходили на опознание – без результата. Прекратили опознавания. Она потребовала. Точнее, даже запретила.

– Запретила? – удивилась Новосильцева. – Она там вами командовала?

– Еще как! – усмехнулся сержант. – Должен сказать вам, фрау Чарская, манеры у этой фройляйн утопленницы… – он засмеялся.

– Какие же?

– Будто все вокруг у нее в услужении. Сначала отказалась работать. А там у каждой сумасшедшей обязанность каждый день трудиться на рейх, простите, на республику. Она же их всех кормит. Правильно?

Возражать Новосильцева не стала.

– Да и работа такая, одно удовольствие, если все равно делать нечего. Шитье там, починка одежды, из прачечной гладить приносят. Так эта штучка – ни в какую. Вместо работы изволила выбрать прогулки в больничном саду. И то – по желанию. Но и тут поставила свои условия. Выйдет гулять только тогда, когда в садике не будет никого. Как вам такое?

– Да, необычное поведение, – согласилась она. – А в каких условиях ее содержат?

– Как всех. Палата Б на пятнадцать душ. Больных душ, значит, – уточнил сержант. – Пятнадцать сумасшедших баб. Среди них ходячие овощи, но есть и бывшие воровки, наводчицы, женщины нехорошего поведения… Днем они еще ничего, ну, может, поцапаются да и сразу затихнут. Их бромом там поят. Но все равно, навидался я ночью. Тогда все и начинается. Вопли, рыдания, ругань… Барышня с первого

дня потребовала себе лучшее место – в стороне от всех, у окна. Сначала и она, конечно, страдала. Днем отсыпалась. Это когда остальные прибираются и работают. Потом привыкла. Соорудит себе убежище из подушек, вроде пещеры, нырнет туда, в одеяло замотается. Спит.

– Откуда вам известны даже такие мелочи?

– Так мне как раз поручили установить ее личность. Вот и устанавливал, приходил, наблюдал, как себя ведет. Медсестер опрашивал, докторов. А уже как она врачей измучила!

– Очень интересно.

– Сначала ею обычные доктора занимались. Потом взялись психиатры. Так она просто издевалась над ними. Ее спрашивают, слышит ли она голоса в голове. Или картинки какие видит необычные вокруг – людей там, животных фантастических или ангелов. Смеется. Говорит: «Боюсь, по части картинок вы меня превзошли, доктор». Дерзкая, да.

– Значит, не сумасшедшая?

– Нет, конечно. Но с вывихами в голове. Еще диагноз ей поставили: душевное страдание от переживаний. Как вам? – возмутился сержант. – Да все мы, кого биржевики разорили, душевно страдаем каждый день! Меня взять. Скажу честно, страдаю. Есть отчего. Спасибо, вы явились и немного мои страдания уняли.

– Обращайтесь, если понадоблюсь, – рассеянно произнесла Новосильцева. – Надо полагать, господин Халльсман, другие больные и персонал возненавидели эту особу. За те, при-

вилегии, что она себе выторговала.

– Да, право на привилегии, вообще, дается от рождения, – согласился сержант. – Но я вас удивлю, мадам. Никто к ней плохо относиться не стал. Никто не дрался с ней, не шпынял ее, не устраивал ей пакости. Как раз наоборот. Заинтересовались, даже стали сочувствовать, некоторые старались подружиться. И сестры, и больные. Беседовали с ней по ночам, книги ей таскали, выслушивали, если ей вдруг душу хотелось облегчить.

– Вот-вот! Это самое интересное, – встрепенулась Новосильцева. – Подробнее можете? Что она о себе рассказывала?

– А это уже не ко мне, – ответил сержант. – В полиции дело ее скоро закрыли. Торчать там ежедневно мне никто не дал бы. Как закончили с опознанием, которое так и не получилось, то меня вернули к моим обязанностям. Вам бы с медицинскими сестрами поговорить. С теми, кто ближе всех стал к ней.

– И кто же это?

– Ну, конечно, Эрна Бухольц. Она родом из России, из Литвы, точнее; бывшая учительница. А здесь горшки за психами выносит. Она ей и книжки таскала, журналы там разные с картинками.

– Фройляйн Унбеканнт много читала?

– Запоем. Она по ночам почти не спала. Читала, с сестрами обсуждала что-то там. В основном, с Эрной. Еще с Теой

Малиновской.

– Тоже русская?

– Точно не знаю.

Новосильцева постучала ложечкой в чашке.

– Могу я вас попросить о любезности?

– Сколько угодно.

– Вы, поняли, конечно, для чего я вас так подробно расспрашиваю.

– Давно понял. И вы сами обмолвились. Для книжки. Вы же книжку собираетесь писать. Об этой ненормальной. Има… – как там, забыл?

– Имажинизм.

– И про меня там будет? – застенчиво поинтересовался сержант.

– Если не возражаете.

– Чего уж возражать, – ухмыльнулся сержант. – Знаменитым стану. Может, пригодится.

– Не все люди готовы идти на откровенность с писателями. И не все писатели способны увидеть на земле потерянные деньги. Скажу откровенно, сержант, на всех желающих не напасешься.

– Это уж точно.

– Вот о чем вас попрошу. Поговорите с Эрной, подготовьте ее, скажите, чтобы была со мной откровенна и ничего не боялась и не скрывала.

Физиономия сержанта приняла хитрое выражение, он

молча глядел на Новосильцеву и ждал. «Ну и наглец», – подумала она, положила на стол на этот раз только десять рентмарок, которые тут же были накрыты лапой сержанта.

– Мне надо сначала ее отыскать, – пояснил он. – Придется потратить время, походить, убедить ее, как следует.

– Только не запугивайте.

– Будет сделано в лучшем виде. Как вам сообщить ее адрес?

– В отель «Адлон». Оставьте записку на имя мадам Чарской.

– Постараюсь поскорее. Может, уже завтра. Теперь прошу меня извинить: служба. А вы закажите себе еще пирожное. Или кекс. Кофе тоже можно, один. Все будет за счет заведения, – ухмыльнулся он.

– С чего такая честь?

– День хороший выпал. Я же вас пригласил сюда в гости.

Он откланялся, надел каску, подошел к официанту и что-то сказал ему, показывая на Новосильцеву. Официант кивнул, принес кофе и один эклер.

Она не торопилась, обдумывая услышанное. Потом вышла, хотела пройтись до трамвая, но стал накрапывать дождь.

Поискав взглядом такси, обнаружила машину недалеко от кафе. Шагнула к нему, как вдруг увидела, что водитель достал фотокамеру «лейка» и сквозь ветровое стекло стал ее фотографировать. Она опешила, потом вскипела и реши-

тельно шагнула к машине. Шофер тут же положил камеру рядом. Взревел мотор, проскрежетали шестерни коробки передач, машина рванула с места, едва не врезавшись в небольшую толпу, собравшуюся вокруг уличного фокусника-шпагоглотателя. Увернувшись, такси задело тротуар, вильнуло в сторону, прибавило скорость и скрылось за углом.

За весь вечер она так и не решила, с чем связана слежка – с ее расследованием или с операцией ОГПУ, в которую вздумалось вляпаться Разумцеву.

5. Звездный час Клары Пойтерт

Фройляйн Унбеканнт в больнице

Квартира наполнилась чадом, и Эрна Бухольц, тяжело переваливаясь на плоских ступнях, поспешила спасать гренки. На сегодня ее ужином были ячменный кофе и ломтики поджаренной булки. Ее Эрна купила с уличного лотка за полцены, потому что булка была слегка тронута плесенью. Не страшно: обскоблила, остальное уничтожит сковородка. Пятнадцать пфеннигов сэкономила.

Она уже налила в чашку горячую бурую жидкость, как задребезжал механический звонок. Пока тащилась к двери, звонок провернули еще раз.

На пороге стояла невысокая красивая дама в меховом бе-

рете и в шикарном бандо – в полупальто бежевого сукна, прошитом по горизонтали сверку донизу узкими полосками коричневого меха.

– Фрау Бухольц? – спросила она, внимательно рассматривая медсестру.

– Да, это я. А вы… Полагаю, мадам Чарская?

– Разрешите войти?

– Прошу, – Эрна, сняв цепочку, распахнула дверь. – Сержант Халльсман предупредил.

Гостья вошла и остановилась, оглядывая комнату, которая была одновременно кухней, столовой и спальней. Она подошла к столу и поставила на него большой пакет из коричневой бумаги.

– Могу я предложить вам чашку кофе? – спросила Эрна.

– Благодарю вас, с удовольствием, – учтиво ответила дама, слегка потянув носом. Запах ячменного кофе напомнил ей о конюшне. Эрна чуть подняла бровь, и Новосильцева поняла: хозяйка очень наблюдательна и обидчива.

– Попробуем разнообразить ужин, – весело предложила Новосильцева. – Вы не против?

Эрна смущенно пожала плечами и отступила на шаг. Не обращая на нее внимания, Новосильцева достала из пакета завернутый в вощеную бумагу кусок клубничного пирога, за ним сверток с уже нарезанной ветчиной, корытце с заливной рыбой (карп, вроде бы), две плитки шоколада, пакетик с настоящим, уже смолотым кофе. И под конец бутылку

красного кьянти.

– Боже мой, – Эрна бессильно опустилась на табуретку. – Такой роскоши я не видела с довоенного времени. Уж извините меня.

– Ваши гренки оказались очень кстати, – подбодрила ее Новосильцева. – Будем хрустеть бутербродами с ветчиной, – добавила она по-русски.

– Будем хрустеть, – повеселев, тоже по-русски отозвалась Эрна.

После первых бокалов за знакомство и за все хорошее Новосильцева узнала, что Эрна – русская, как и ее муж, только оба унаследовали фамилию немецких предков. И жили в Курляндии, теперь в Литве, подобно миллионам других русских, сотни лет, чуть ли не со времен Ярослава Мудрого, но революция все перевернула – Литва откололась от России. Муж умер, детей нет, а Эрна, учительница русского языка, оказалась в Германии, где с трудом нашла себе место обслуживающей медсестры в сумасшедшем доме в Дальдорфе.

– Специфическое место, даже я могу понять, – заметила Новосильцева.

– Особенно для особы, которая вас интересует, – добавила Эрна.

– Да, мне хотелось бы узнать как можно больше о фройляйн Унбеканнт. И решить хотя бы для себя, кто же она на самом деле.

Эрна покачала головой, положила обратно на блюдечко

кусок недоеденного пирога и вздохнула:

– Очень трудный вопрос. Право, не знаю, с чего и начать.

– С чего угодно.

Медленно, обдумывая слова, Эрна стала рассказывать.

Уже с первого взгляда Незнакомка вызвала у Эрны чувство глубокой жалости. Слабенькая, истощенная, с огромными голубыми глазами, которые испуганно перебегали с предмета на предмет. Она напоминала мышку, которой удалось вырваться из когтей свирепого кота. Но тут же попала в мышеловку, и теперь ей спасения нет.

Долгое время она пряталась в углу огромной палаты Б, потом стала потихоньку выходить на прогулки, обмениваться двумя-тремя словами с надзорными медицинскими сестрами. Постепенно оттаивала, потянулась к тем, кто ответил дружелюбием и сочувствием. Ее постоянно мучила бессонница, и в такие ночи Незнакомка выходила к дежурным сестрам, заговаривала с ними. Скоро короткие разговоры перешли в долгие задушевные беседы.

– Но я должна вам сразу сказать, чтобы вы имели представление, мадам Чарская, – прервала сама себя Эрна. – Нужно было ее понимать. Это не просто слабая, исхудавшая, несчастная больная. Скажу больше. Она совсем не была сумасшедшей. Так, некоторые отклонения в психике.

– Они, полагаю, найдутся у каждого, особенно у тех, кто испытал революцию, гражданскую войну, скитания на чуж-

бине, потерю родных, безработицу… – согласилась Новосильцева.

Эрна всплакнула, но тут же сдержала себя и пальцами вытерла уголки глаз.

– Надо было видеть ее, – сказала она. – Особенно, когда она раскрывала душу. Тут главное. Мы уже с первых дней поняли: она – не из простых, а дама из высшего общества. Даже не сомневайтесь.

– Дама?

– Именно. В ветхом больничном халате, в пожелтевшей сорочке, лицо испуганного ребенка… И все равно дама. Да, совсем забыла, а это важно. Ведь она специально пыталась изменить свою внешность, намеренно уродовала себя. Будто боялась преследования.

– Каким же образом?

– У нее не хватало нескольких зубов, словно их ей выбили, – пяти, кажется. Так она потребовала удалить ей еще шесть, и среди них почти все здоровые. Стоматолог отказал, но она настояла. После удаления внешность, действительно, изменилась. Но и с этим перекошенным лицом она выглядела в высшей степени благородно. Сути своей никто не способен скрыть, как ни старайся.

Медсестер больше всего поражали ее манеры. Казалось, она с рождения привыкла повелевать. Она осмеливалась обращаться к сестрам и врачам не с просьбами, а с приказаниями. И тут же учтиво, с улыбкой благодарила, если ей шли

навстречу. А если не шли, то обливала отказавшего презрением. И проходило немало времени, прежде чем провинившийся заслуживал ее снисхождение или прощение.

В благородном происхождении Незнакомки Эрну убедила и ее исключительная чистоплотность. Каждое утро, невзирая на погоду и отсутствие горячей воды, она по полчаса плескалась около умывальника.

– А ванну просто обожала. Раз в десять дней больным полагается ванна с горячей водой. Она добилась разрешения принимать ванну через день. Причем холодную, даже зимой. И почти ни разу не пропустила.

Новосильцева вспомнила, что императрица Александра приучала девочек именно к холодной воде – английское воспитание.

– Еще требовала менять ей постельное белье через три дня, но согласилась на перемену каждую пятницу, вместо одного раза в месяц, как принято. Сначала ей отказали, но она закатила такой скандал, что мы сочли за благо уступить. И что в благодарность? Царственный кивок. И ни слова.

Поначалу она подружилась с Теой Малиновской. Теа бывала в России, и оказалось, что больная может говорить о России часами. О Петербурге, Москве, о высшем свете, о привычках особ, приближенных к царю. О Кремле, Красной площади, о соборе Василия Блаженного, кремлевских соборах. Шутила, высмеивала разные смешные случаи из жизни великих князей и княгинь, причем каждого назы-

вала не только по именам, но и по семейным прозвищам.

– А на каком языке она все это рассказывала Малиновской?

– На немецком. Она говорила неплохо, с небольшим русским акцентом, но иногда пренебрегая грамматикой. Когда у нее поднималась температура, тогда казалось, что в ее речи проскальзывает австрийский или баварский акцент. Еще больше поражало ту же Малиновскую, а потом Берту Пфальц: больная прекрасно была осведомлена о жизни семьи кайзера, особенно о жизни принца Генриха Прусского и его супруги Ирены.

– Принцесса – родная сестра императрицы Александры, – заметила Новосильцева. – Но о семье кайзера много писали в газетах и в журналах.

– Я тоже читаю газеты и журналы, – с легкой обидой сказала Эрна. – А уж те, что мы приносили фройляйн Унбеканнт, читали мы все. Нет, это не были газетные сплетни и не выдумки. Настолько правдоподобны и убедительны были ее истории.

Однажды, будучи в хорошем настроении, она разговорилась с Малиновской и предложила ей вместе бежать в Африку.

– Зачем? – удивилась Новосильцева.

– Говорила: лишь бы подальше от Европы, особенно от Германии и от России. Утверждала, что за ней охотятся большевики и евреи.

– Даже так?

– Настолько была убеждена, что даже избегала некоторых наших врачей, которые, кстати, относились к ней особенно тепло и заботливо.

В те дни, вспоминала Эрна, по больнице неожиданно прошел слух, что часть пациентов скоро переведут в Бранденбург, в тамошнюю лечебницу. А это уже не институт, это самый настоящий сумасшедший дом. Тюремный режим, смирительные рубашки, два врача на всех и десяток громил-санитаров. Девушка страшно испугалась – она уже у нас привыкла и решила, что Дальдорф для нее самое безопасное место. Тогда-то она и стала упрашивать Теу Малиновскую бежать в Африку. Там записаться во французский иностранный легион медсестрами. В легион можно записаться под любым именем, и никто тебя не найдет. Она якобы училась на курсах медсестер, только не закончила, когда жила в России.

Эрна долго прислушивалась к беседам и присоединилась к ним.

– Но когда Незнакомка, заказывая себе немецкие и английские книги, заказала вашу…

– Мою? – изумилась Новосильцева.

– Да, вашу. Лидия Чарская, «Княжна Джаваха».

– Нет, – смутилась Новосильцева. – Тут ошибка, вернее, недоразумение. «Княжну Джаваха» написала Лидия Чарская. А я – Лилия.

– Но ведь вы тоже писательница? – пытливо посмотрела на нее Эрна. – Так сказал полицейский.

– Скорее, литератор, довольно мелкий. Так, два-три рассказа в провинциальных газетах. Лидии Чарской составить конкуренцию не могу.

Заметив, что Незнакомка читает русскую книгу, Эрна подошла и заговорила с ней по-русски. Та сначала испугалась, потом шепотом ответила. И с тех пор многими ночами, когда вокруг не было никого, они разговаривали по-русски.

– Так она, значит, знает русский? – поразилась Новосильцева. – Она говорила по-русски? Говорила, как иностранка?

– Нет, как натуральная русская, даже с простонародными словечками и шутками. Поверьте, я же учительница русского языка. Могу определить, чужой вам этот язык или нет.

– Вы сообщили мне сейчас чрезвычайную вещь, – взволновалась Новосильцева. – И вы, наверное, стали подозревать в ней великую княжну?

– Что вы! Нет, – махнула рукой Эрна Бухольц. – Ни в коем случае. Сплошная загадка, а не пациентка. Так и не назвала своего настоящего имени. Ни родственников, ни места рождения, ни жилья. Утверждала, что все забыла. Только одно сказала про семью: все погибли. Так что мы все считали ее потеряшкой. Возможно, на нее было нападение – вся избита и в шрамах. Или похищение, ограбление, требование выкупа – она же не из простых. А, может, все сразу. Полиция долго ею занималась. Даже объявления в газеты давала. Много

приходило людей по объявлению. Никто не опознал. Но она даже не пыталась найти своих. Наоборот, такое впечатление, что скрывалась. Не от полиции – полиция ее уже нашла, она не была преступницей.

Все резко изменилось, когда в палате оказался журнал «Берлинер иллюстрирте». Кто его принес, Эрна уже не помнила, кажется, Берта Пфальц. Но это уже не важно. На столиках в коридоре и в других палатах лежали старые журналы с картинками, они кочевали из рук в руки, наверное, и Незнакомка их видела. Но в этом журнале была напечатана большая статья о семье Романовых под названием: «Могла ли спастись одна из дочерей царя?» И тут же фотография всей семьи, довольно известная, официальная, еще довоенная.

Когда Берта Пфальц положила журнал перед Незнакомкой, та, увидев фото, побледнела, пошатнулась и едва не упала в обморок. Берта успела ее подхватить. Когда больная пришла в себя, она взяла журнал, уединилась в углу и перечитывала статью с десяток раз, непрерывно плача.

В ту ночь не было никаких бесед. Фройляйн Унбеканнт взяла журнал с собой в постель. Тогда гремела гроза, сверкали молнии, все спали неспокойно, многие бредили, кричали во сне. Бредила и Незнакомка, стонала, вертелась с бока на бок и рыдала, не просыпаясь.

– И знаете, что интересно? – усмехнулась Эрна Бухольц. – Она бредила по-английски.

– Не по-русски? – удивилась Новосильцева.

– На чистейшем британском.

– Вам удалось что-нибудь понять?

– Ничего. Отдельные слова, без связи. В основном, звала мать.

Наутро Незнакомка, бледная, едва державшаяся на ногах, отказалась от завтрака. Попросила дополнительную дозу успокоительного, но ей не дали.

Почти весь день она просидела сначала в саду, потом ее от холода загнали в холл, где она пробыла до вечера, не выпуская из рук журнал. От ужина, впрочем, не отказалась, а лекарство на ночь выпила с жадностью. А ночью снова вышла к сестрам – успокоительное на нее не подействовало.

– Мы с Бертой сидели на посту. Девушка подошла к нам, развернула журнал с фотографией Романовых, потом сказала что-то вроде: «И ведь ни у кого нет доказательств, какая из дочерей могла спастись». Берта спросила:

– А вы как считаете?

Она не ответила.

– Я думаю, – предположила Берта, – что спаслась эта, – и указала на одну из старших, кажется, на Татьяну.

– Нет, – возразила девушка. – Не эта спаслась, другая.

– Кто же, по-вашему? – сестрам даже стало весело.

Она только улыбнулась и, не сказав ни слова, забрала журнал и ушла в свой угол.

– Разве в статье не было сказано, какая могла спастись?

И не названо ее имя? – спросила Новосильцева.

– Назывались разные, – ответила Эрна.

Этот случай сильно изменил отношение к Незнакомке, привнес долю острого интереса. И она сама добавляла остроты – понемногу, словно невзначай.

В одну из ночей она сидела на своей кровати, укутавшись в одеяло и уставившись с тот самый журнал. Она теперь с ним вообще не расставалась, и доктора опасались, не разовьется ли у нее мания.

Посидев так часа с два, она подошла к Тее Малиновской, развернула перед ней журнал с фотографией Романовых. Долго молчала, словно чего-то ждала. Скоро сестре Тее это надоело. Она хотела уйти, как вдруг фройляйн спросила:

– Кто-нибудь из этих девушек вам не кажется знакомой? Никого не напоминает?

Теа сильно удивилась:

– Никто. И никого.

Тогда фройляйн подошла с тем же вопросом к Берте. Та тоже ответила отрицательно.

– Когда пришел мой черед, – сказала Эрна, – я как-то по-новому на все посмотрела. И тут меня озарило. Я увидела сходство! С Татьяной. И сказала.

Но фройляйн Унбеканнт отрицательно покачала головой и ушла.

Постепенно и новый интерес к ней ослабевал. Но с журналом она по-прежнему не расставалась.

– И вдруг в один из дней в нашей палате Б произошел переворот. Можно сказать, революция, – усмехнулась Эрна Бухольц. – Появилась Клара Пойтерт. Старая наша пациентка, постоянная головная боль. Она все перевернула вверх дном. И больница уже никогда не смогла жить, как прежде.

Крикливая Клара Пойтерт Незнакомку раздражала, и она стала Клару избегать.

По палате расхаживала высокая, костлявая особа с длинными руками, остроносая. На ее лице мышцы так и прыгали, причем одновременно. С хозяйским видом она разговаривала с больными, покрикивала на них, командовала. С сестрами общалась, как со старыми знакомыми.

Так оно и было. Скоро и фройляйн Унбеканнт узнала, что Клара Пойтерт – привычная обитательница Дальдорфа. И раз в год ее сюда водворяет полиция, как правило, за нарушения порядка, за мелкие хулиганства, оскорбления, доходящие до драк. От ареста ее спасала больничная справка, которую Клара в опасные моменты с гордостью показывала полицейским.

– Здесь не сказано, что я полностью сумасшедшая, – торжествовала она. – Но все равно я вам не по зубам.

И Клару каждый раз отправляли в Дальдорф, где персонал ее встречал, как свою.

Она долго и критически приглядывалась к Незнакомке. Потом однажды подошла к ее кровати. Девушка читала книгу Чарской, раскрытый журнал с фотографией Романовых

лежал рядом.

– Как звать? – спросила Пойтерт. – Я Клара. А ты?

– Не знаю, – после долгого молчания ответила Незнакомка.

– Забыла, что ли? – прищурилась Клара. – А, да. Слышала, что тебе по голове поленом съездили. Муж, поди? Или хахаль?

– Не знаю, – равнодушно ответила фройляйн Унбеканнт. – Оставьте меня.

– Все благородную из себя строишь? – упрекнула ее Клара. – Кто же ты на самом деле? Кронпринцесса, не ниже, да?

И, не дождавшись ответа, выхватила у девушки книгу. Перелистала.

– О! – удивилась она. – Да ты русская!

– Немедленно верните книгу, – процедила Незнакомка. – И убирайтесь. И никогда не смейте ко мне подходить.

– Возьми, возьми. Да не кипятись ты так, я же по-дружески. Жалко, сидишь, как сова на суку, с тобой никто и не говорит. Скучно ведь, да?

Не сводя с Клары ненавидящих глаз, Незнакомка ждала.

– Ну, не дуйся, не дуйся, – примирительно сказала Клара. – Я же тоже двинутая. Понимать надо. Вот сейчас меня упаковали вообще ни за что. Соседка подняла вопли, будто я сперла у нее кошелек. Какой кошелек! – возмутилась Клара. – Никаких денег в нем не было. Не там искали, – доверчиво шепнула она, наклоняясь.

– Фрау Пойтерт! Клара, – позвала ее Берта Пфальц. – Оставь в покое фройляйн. Ты же видишь, она не расположена к новым знакомствам.

– Не расположена? – криво усмехнулась Клара. – Это я не расположена с такими… – она фыркнула, но ушла.

Два дня она демонстративно держалась в стороне, на третий, после ужина, подсела к Незнакомке.

– Ну, ты того – не злись. Я же к тебе ничего не имею. Опять свою книжку мусолишь. Слушай, ты русская, наверное.

– Нет, – отозвалась пациентка.

– А кто?

– Не знаю. Оставьте меня.

– Я многих русских повидала. В России жила. В Петербурге. Модисткой была. Для самых приличных домов кроила и шила, – похвасталась она. – У меня, знаешь, какие высокие персоны заказывали! Даже от двора. *И я хорошо говорить русский язык*, – добавила она по-русски.

– С чем вас и поздравляю, – вежливо по-прежнему по-немецки ответила Незнакомка, закрыла книгу и поднялась.

– На что ты тут все время пялишься? – Клара схватила журнал. – А, Романовы, недотепы. В Царском Селе видела их много раз. Вот так близко, как тебя. Ну, все, все. Ухожу, ухожу, барыня!

На следующее утро Клара появилась в палате уже не в больничном, а в своей одежде.

– Ну, фрау и фройляйн, – объявила она на всю палату. – Оставляю вас тут одних. Слезы лить не надо, скоро снова упакуют. За что – еще не знаю. Найдут за что. Так что снова увидимся, может, уже через пару месяцев.

Подойдя к Незнакомке, сказала, усмехаясь:

– Зла на меня не держи, барыня. Я вообще-то не вредная. Если меня не трогать. Опять ты со своей картинкой? Значит, настоящая дурилка.

Она заглянула из-за плеча Незнакомки в журнал, сделала движение к выходу. Потом вдруг замолчала, подозрительно глянула на Незнакомку, снова впилась в журнал. Потом опять в ее лицо.

– Я тебя узнала! – вдруг завопила она на всю палату. – Узнала! Узнала! Это ты! Я тебя видела!.. Вот где ты прячешься!

Девушка испуганно съежилась и отвернулась.

– Нет, – торжествовала Клара. Она схватила Незнакомку за плечо, силой развернула к себе. Потом опять уставилась в журнал, взяла его, приблизила фотографию к лицу пациентки. – Вот она! – крикнула Пойтерт. – От Клары никто не скроется! Узнала я тебя, видела в Царском Селе.

– Помогите! – слабо крикнула Незнакомка сестрам и сбросила с плеча костлявую руку.

Она схватила свое одеяло, накинула его на голову, словно шаль, прикрыла краем лицо и выскочила в коридор.

– Клара! – возмущалась Теа Малиновская. – Что ты се-

бе позволяешь? Выписалась, так уходи. Иначе сейчас вызову санитаров и отправлю тебя в палату для буйных.

– Не отправишь! – ликующе обвела всех взглядом Пойтерт. – По документам я уже не ваша. И я знаю вашу тайну. Вот кого вы у себя прячете!

– Кого же? – удивилась Берта Пфальц.

– Это русская! Русская великая княжна. Это Татьяна. Я ее видела сто раз, совсем рядом. От Клары еще никто не спрятался.

– Уходи, пока хуже не стало, – вмешалась Эрна Бухольц. – Санитары уже в пути.

Клара погрозила кулаком всем сразу. Ее просто распирало от удовольствия.

– Ну, ждите! – многозначительно бросила она и выбежала.

Через минуту в палату влетела Незнакомка. Такой ее еще никто не видел. Глаза яростно сверкали, зубы оскалены, как у нападающей собаки, одеяло волочилось за ней по полу.

– Как вы посмели? – закричала она на сестер и затопала ногами. – Это что? Это шпионаж! Вы подослали ко мне шпионку. Большевичку! Шпионаж! Вы за все ответите!

Она швырнула одеяло в лицо Тее Малиновской и истошно завизжала, перепугав всех медсестер.

Сестры ринулись к ней, Теа со стаканом воды. Но пациентка ударила по стакану – он отлетел в сторону и разбился. После чего она набросилась на Малиновскую с кулаками. Эрна Бухольц и Берта Пфальц хватили ее за руки и оттащи-

ли. Незнакомка продолжала визжать, брызгать слюной, попыталась укусить сестер за руки. Вырываясь, она обнаружила неожиданную силу.

– Санитаров! – Малиновская побежала к сигнальному звонку на посту, но на пороге столкнулась с доктором Вернером. Тот сразу все понял.

– Лауданум! – приказал он третьей сестре Эмилии Баркнехт, но та уже сама наполнила шприц и подбежала к больной.

– У меня морфий, – сообщила она.

– Хорошо. Вкатите, – согласился доктор. – Только это многовато. А, впрочем, влейте все. Такой я ее еще не видел.

Удержать Незнакомку было по-прежнему нелегко.

– И откуда в такой пичужке столько ярости? – удивился доктор Вернер. – Крепче держите руку, иначе иглу сломает.

– Шпионы! Предатели! Убийцы! – продолжала с пеной у рта кричать больная.

Потом внезапно ослабела и повисла на руках у медсестер.

Ее перенесли на кровать, через минуту она окончательно сомлела, глаза закатились под лоб. Но она продолжала бормотать:

– Газеты! Все попадет в газеты… Они придут за мной… Предатели…

– Никто за вами не придёт! – громко сказал ей на ухо доктор Вернер. – Вы здесь в полной безопасности. Никаких врагов у вас нет. Поверьте, – медленно и внятно говорил он за-

сыпающей больной, – ни одного врага… Здесь у вас только друзья… Мы всегда с вами…

Она ритмично и шумно задышала.

– Ну, всё, – с облегчением сказал Вернер.

– Татьяна? – с сомнением произнесла Новосильцева. – Клара опознала в ней Татьяну? Не Анастасию?

– Что могу вам сказать по этому поводу, госпожа Чарская… – устало ответила Эрна. – Да, сказала, что Татьяну. Я же за Клару ответственность не несу. Да и кто знает, действительно ли опознала. Только с того дня началась невиданная суета. И нехорошая. К ней зачастили русские эмигранты. В основном, бывшие офицеры, всякие монархисты. Потом явилась баронесса Буксгевден Софья Карловна. И устроила такое… – она замолчала и продолжать не стала. – В общем, измучили бедняжку. И вдруг все прекратилось. Пришел барон фон Кляйст. Он бывший полицейский из России, точнее из Польши, но все равно русский. Долго говорил с врачами, с больной, к ней приходили его жена и дочки. И, в конце концов, забрал бедняжку.

– На каком основании?

– Его врачи так и спросили: «На каком основании вы хотите забрать больную?» Ответил: «На основании того, что она – наша соотечественница».

Эрна встала, взяла с комода будильник и стала его демонстративно заводить. Новосильцева заторопилась.

– Вы мне очень помогли, госпожа Бухольц. Очень вам благодарна.

– И я вам благодарна, госпожа Чарская, за праздничный ужин. Надеюсь, наша встреча принесет пользу вашей работе. Только… – она помедлила. – Только не могу понять: ваша книга и – при чем тут полиция?

– Скажу по секрету, – улыбнулась Новосильцева. – Я никогда не отказываюсь от посторонней помощи. Даже от полицейской.

– Сержант Халльсман немного напугал меня сначала своим визитом, – призналась Эрна Бухольц. – Хорошо, что мне уже приходилось его встречать в нашей больнице. А вы сами в полиции не служите?

– Разве в Германии берут в полицию женщин? Да и во Франции не берут.

Тем не менее, Эрна не успокаивалась.

– У меня с документами все в порядке. И квартирную плату вношу вовремя. В эмигрантских и любых других политических организациях не состою.

– Мне до этого никакого дела нет, – заверила ее Новосильцева.

Она поразмыслила, потом решительно вытащила из ридикюля пятьдесят марок.

– Позвольте немного компенсировать потерянное вами время.

– Не буду отказываться, госпожа Чарская, – со спокойным

достоинством ответила Эрна. – Хотя в другое время отказалась бы. Благодарю вас, – она положила деньги на комод. – Могу быть вам еще полезной?

– Возможно. Позволите прийти, если понадобится?

– Не стесняйтесь. Быть может, и мне удастся угостить вас чем-нибудь получше ячменного кофе. Позвоните, когда возникнет необходимость.

Она написала на листке номер телефона, и Новосильцева ушла, мало что понимая.

Было без пяти одиннадцать, когда она вышла на улицу. Хлестал дождь пополам со снегом, типично берлинская зимняя погода. Невдалеке стояло такси с зеленым огоньком.

Новосильцева махнула шоферу, подзывая машину. Автомобиль приблизился, но неожиданно мотор взревел, и такси промчалось мимо, едва не окатив Новосильцеву из лужи, она едва успела отскочить. Ей показалось, что за рулем был тот же водитель, который недавно пытался ее сфотографировать.

Она покачала головой и почти не удивилась. Не поняла одного: почему слежка ведется так грубо, непрофессионально? На полицию не похоже. Но, быть может, столь брутальное, демонстративное наблюдение – прикрытие другого, хорошо скрытого и тонкого. Прикрытие по-настоящему опасной слежки, а Новосильцева ее до сих пор не обнаружила.

6. Сомнения Зинаиды Толстой

З. С. Толстая, подруга императрицы Александры Федоровны

Для капитана Николая Адольфовича фон Швабе, молодого человека лет тридцати, воскресный мартовский день выпал нелегким, но прошел не зря. С утра до вечера капитан проторчал без маковой росинки во рту на подворье русского православного собора, что на Унтер ден Линден, в центре Берлина. Но кое-что сбыть удалось. Пожилой седобородый господин, видно, из бывших чиновников, долго листал книгу Сергея Нилуса «Протоколы Сионских мудрецов», покряхтел, но раскошелился на целую марку. Дама с дочкой взяла пяток фотографий царской семьи. Молодой человек, с виду

бывший юнкер, заинтересовался брошюрой Николая Маркова 2-го, председателя высшего монархического совета. Брошюра называлась «Вперед, к освобождению Родины!» Полистав ее, парень положил брошюру на место, ушел, потом вернулся и выложил пять пфеннигов.

– Сдачи не надо, – сказал он, чем удивил Николая Адольфовича.

Удалось также продать целых три экземпляра журнала «Двуглавый орел» с передовой статьей «Евреи продолжают уничтожать Россию и Европу». Статья была хорошо иллюстрирована изображением крючконосого Троцкого с разбойничьей бородой и с руками по локоть в крови. И толстого Ротшильда, пожирающего живого немецкого младенца, о чем свидетельствовала подпись: «Сколько еще поколений Германии проглотит иудейская нечисть?»

Ближе к вечеру, когда пономарь уже загремел ключами у двери собора, капитан стал собираться. Когда перед ним неожиданно выросла фигура женщины. Бедно одетой, тощей, длинноносой. Черные глаза беспокойно буравили капитана.

– Уважаемой фрау угодно приобрести что-нибудь интересное? – он развернул перед ней карточным веером фотографии и открытки семьи Романовых.

Но фрау схватила номер «Двуглавого орла» с фанерного листа, который лежал на кирпичах, и стала быстро его листать.

– Что ты тут писать? – на ломаном русском выговорила она. Потом решительно продолжила по-немецки. – Вы, конечно, агент ГПУ! Даже не сомневаюсь.

Фон Швабе удивился:

– Как это вы сумели разглядеть? – хмыкнул он.

Фрау не ответила, продолжая торопливо листать журнал.

– Вы, в самом деле, русский? Патриот? – с подозрением спросила она.

– Иначе я не стал бы продавать такую литературу. Более патриотической не бывает, – слегка обиделся фон Швабе.

Он показал ей брошюру Маркова 2-го, потом обратил внимание на картинки Троцкого и Ротшильда.

– И что, – продолжала листать журнал длинноносая, – вам можно доверять?

– Смотря что, – дипломатично сообщил фон Швабе.

– Важное дело, – буркнула тощая. – Государственное. Российское. Патриотическое. Монархическое.

– Это можно. Но что вы имеете в виду? – осторожно поинтересовался он.

Не отвечая, она схватила пачку цветных открыток с Романовыми и стала их перетасовывать.

– Вот! – ткнула она пачкой чуть ли не в лицо капитану. – Кто они?

– Если вам не известно… – начал капитан.

– Известно! – отрезала худая зануда. – Известно то, чего не знаете ни вы, ни ваши бестолковые русские эмигранты.

А еще кричат на всех углах, что они патриоты и монархисты. Бездельники, болтуны дешевле пфеннига за пучок.

Она потрясла пачкой в воздухе.

– Где они? – вопрошала остроносая. – Что с ними сталось? Ничего вы не знаете, только клянетесь в верности им… – фыркнула она. – Деньги на них зарабатываете.

– Позвольте… – начал капитан.

– Что? Что ты можешь мне сообщить? – визгливо спросила женщина, наклоняясь вперед, словно собралась проткнуть капитана носом. – Что тебе позволить, бестолковый, ничего не знающий русски эмигрант и осел? – сказала она снова по-русски.

– Позвольте представиться… – пробормотал сбитый с толку капитан. – Фон Швабе.

– Клара Пойтерт, – буркнула она. – Так что вы знаете о царской семье?

– Многое, – удивился капитан. – Зверски замучена большевиками. В Сибири.

– Не замучены, а расстреляны, – неожиданно возразила Клара. – Только все ли расстреляны? – спросила она вызывающе.

– Ах, вот вы о чем, – с досадой сказал капитан. – Слышали. В Париже объявилась очередная Анастасия. На самом деле, мадемуазель Беркович.

– Нет! – отрубила Клара Пойтерт. – Не Анастасия. И не в Париже, а здесь, в Берлине. Татьяна Романова. Дочь

царя Николая. Уж эта – настоящая.

Лицо капитана фон Швабе расплылось в улыбке, он согласно закивал и стал собирать свою литературу в рюкзак.

– Еще что-нибудь желаете? – он поднял взгляд на Клару и слегка опешил.

Глаза ее сверкали гневом, челюсти дрожали, кулаки сжимались. Капитан испугался, что она сейчас вцепится ему в лицо.

– Глупец! – прошипела Клара Пойтерт. – Глупец, как и вы все. Продаете дурацкие журнальчики, а рядом с вами спрятана великая княжна Романова. Ее заперли в сумасшедшем доме. Колют ядовитой химией. Кормят супом из картофельных очисток. Ее по ночам насилуют санитары, а он тут макулатуру дуракам впихивает и еще ухмыляется! – она возмущенно топнула и швырнула ему в лицо открытки.

– Но с чего вы взяли? – обескуражено спросил капитан, собирая открытки. – Как вы можете такое утверждать?

– Потому что я ее узнала! Я жила в России двадцать лет. И сто раз видела императорскую семью и всех княжон – так близко, как сейчас тебя. Я шила для них и кроила, они заказывали у меня. Так что Татьяну я опознала сразу. Хотя она изменилась. Жизнь ее сильно потрепала.

– Где видели? – обомлел фон Швабе.

– В Дальдорфе, в сумасшедшем доме. Под замком. В надзорной палате.

– Она… умалишенная? – осторожно поинтересовался ка-

питан.

– Такая же, как и ты! – отрезала Клара. – Еще поумнее будет. Она очень хитрая. Сначала чуть не утопилась, когда шла к своей тетке Ирене, кронпринцессе. Но тетки не было дома – в кабаре, верно, сидела. Теперь княжна скрывает имя и личность. Большевиков боится. Но от Клары Пойтерт никто не скроется.

– Вот оно что, – вырвалось у капитана. – Скрывается. Себя не называет…

– То-то и оно! Вы туда сходите, капитан, если вы патриот и монархист, а не продавец всякой чепухи. Посмотрите на нее, поспрашивайте. Только знайте: она притворяется, что не говорит по-русски. Понимаете, почему?

– Как тут не понять, если скрывается! – согласился капитан.

– Вот мой адрес. И свой дайте. Я так этого дела не оставлю. Не пойдете, найду других людей, поумнее вас. Я ее первая открыла, и мне положена награда. Верно?

– Безусловно, положена.

– Когда пойдете? Пусть весь ваш монархический совет на нее посмотрит.

– Нет, сначала я схожу на разведку.

– Тоже правильно, – похвалила Клара. – Хотя там нечего разведывать, верное дело. Это я вам говорю, Клара Пойтерт.

В тот же вечер капитан долго обсуждал новость со своей женой Алисой и с другом инженером Енике. Инженер к со-

общению Пойтерт отнесся скептически. Если она видела Татьяну в психушке, значит, и сама психованная, как и вообще вся Германия, впрочем.

– Не вся! – возразила Алиса. – А вдруг?

В конце концов, решили сходить, Енике тоже согласился. С ним проще, он местный немец, к тому же у него револьвер, вполне законно. А вдруг еврейская провокация? Известно всем, что в Германии все врачи евреи, агенты Троцкого и Коминтерна. И, разумеется, смертельные враги высшего монархического совета.

В Дальдорфе доктор Виннике долго расспрашивал необычных посетителей, зачем они пришли к Незнакомке и кем ей доводятся. Хотя Енике ему все объяснил: они ищут пропавшую родственницу, может, она здесь и лежит под именем фройляйн Унбеканнт.

– Только недолго, – разрешил врач. – Она очень слаба, подвержена кошмарам, а тут недавно ее сильно испугали.

Они в присутствии Эрны Бухольц тихо и робко присели около кровати, где дремала молодая истощенная женщина с перекошенным лицом. Она была укрыта до шеи серым больничным одеялом. Фон Швабе тихонько кашлянул. Женщина резко поднялась. Открылись большие сине-голубые глаза. Взгляд их, пронзительный и неожиданно властный, заставил капитана вздрогнуть.

– Кто вы такие? – с подозрением спросила она и взглянула на Эрну.

– Господа ищут пропавших русских, – пояснила медсестра. – Соотечественников, попавших в беду. И пропавших родственников.

– Почему они решили, что я русская? – еще больше насторожилась больная.

Не отвечая, капитан представился и пояснил, что их интересует только здоровье уважаемой фройляйн. А также они хотят узнать, чем ей можно помочь.

– Мне ничего не надо! – отрезала Незнакомка и отвернулась к стене.

– Может быть, изволите принять? – капитан протянул ей коробку шоколадных конфет.

Больная поднялась, посмотрела на коробку.

– Я ничего ни от кого не принимаю! – отчеканила она. – Вы удовлетворили свое любопытство? Можете быть свободны.

– Фройляйн, – проникновенно сказал фон Швабе. – Русские патриоты, особенно, монархисты, действительно хотят помочь соотечественникам, которые нуждаются в участии.

– Я ни в чем не нуждаюсь, – высокомерно ответила Незнакомка.

– Тем не менее… – начала Алиса.

– Кто вас послал? – неожиданно перебила ее больная.

– Мы из высшего монархического совета Российской империи, – пояснил фон Швабе.

– И от общества ревнителей памяти государя Николая

Александровича, – добавила Алиса.

Похоже, Незнакомка слегка заинтересовалась, хотя явно старалась не подавать виду. Она села на кровати и присмотрелась к гостям внимательнее.

– Вы не ответили на мой вопрос, – надменно сказала она капитану Швабе.

– Монархический… – начал он.

– Общество ревнителей… – одновременно заговорила Алиса.

– Нет! – снова резко перебила больная. – Я спрашиваю: кто конкретно вас послал? Какое лицо? Назовите имя.

Вместо ответа капитан протянул ей открытку. На ней была изображена вдовствующая императрица Мария Феодоровна, сфотографированная в Копенгагене.

Незнакомка густо побагровела, выхватила фотографию у фон Швабе и отвернулась к стене. Через минуту обернулась и, опустив повлажневшие глаза, глухо произнесла:

– Я не знаю эту даму.

И неожиданно спросила, положив открытку в карман халата:

– У вас есть еще ее фотографии?

Фон Швабе вздрогнул, переживая восторг близкой удачи, как рыбак, ощутивший рывок лески. Алиса затаила дыхание, Енике тоже затрепетал.

– С собой нет, но… Вот что есть, – фон Швабе протянул больной Библию на русском языке. – Для поддержания души. Мадам читает по-русски?

Не ответив, Незнакомка, осторожно приняла книгу в дорогом переплете с золотым обрезом. Она перелистала несколько страниц и положила Библию на тумбочку рядом с конфетами.

«Еще один знак!» – радостно отметил капитан и снова спросил:

– Мадам читает по-русски?

На что Незнакомка ответила едва заметным кивком.

– Вот и замечательно! – обрадовался капитан.

– Господа! – напомнила Эрна Бухольц. – Ваше время вышло. Пациентке необходимо принимать лекарство.

– Конечно, конечно! – заторопился фон Швабе. – Понимаем. Рады знакомству.

Он коротко откланялся, щелкнув каблуками.

Надменным жестом Незнакомка медленно протянула ему руку, и фон Швабе взволнованно приложился к худеньким бледным пальцам.

Она снова молча кивнула ему и отвернулась.

Когда посетители ушли, Эрна спросила:

– И кто же эта дама на фото?

Незнакомка помолчала, потом вздохнула и, коротко всхлипнув, прошептала:

– Моя бабушка…

Проходя по коридору, фон Швабе почувствовал, что весь горит. Только на улице поостыл. Они остановились.

– Ну? – спросил он.

Вечный скептик Енике покачал головой и не сказал ничего, хотя именно от него фон Швабе ожидал сомнений и даже насмешки. Алиса прерывисто вздохнула – она тоже была взволнована не на шутку.

– Очень может быть, – наконец сказала она. – Но уж очень она… плоха. Видно, что измучена до крайности.

– Так кто же? – встрепенулся фон Швабе.

– Почему ты подумал, что она может быть Татьяной? – спросила жена.

– Это не я так решил, а эта… Пойтерт.

– Нет, – уверенно сказала Алиса фон Швабе. – Не похожа. Верхняя часть лица вроде да, а нижняя… Не знаю. Может, Анастасия?

– Почему ты так думаешь? – удивился Енике.

– Так ведь красные газеты писали, что именно Анастасия была объявлена в розыск.

А капитан решительно заявил:

– Нужен надежный человек. Безупречный свидетель. Тот, кто хорошо ее знал.

Тогда фон Швабе едва дождался восьми вечера – на это время был назначен его доклад на заседании монархического совета о результатах посещения клиники Дальдорфа.

Он доложил коротко, толково, не пропуская важнейших деталей.

Самые большие сомнения высказал председатель Марков 2-й, но именно он неожиданно предложил изучить пациентку внимательнее. Как раз в Германии находилась Зинаида Толстая, близкая подруга императрицы Александры Федоровны.

– Лучше не придумать, – оценил фон Швабе. – Она прекрасно знала семью и всех детей. Как Толстая скажет, так и будет.

– Лично я не верю в чудесное спасение, – добавил Марков. – Много этих Анастасий по Европе шатается. Одна Беркович из Парижа чего стоит.

– Странно, – высказался бывший промышленник Егоров. – Все самозванки именуют себя Анастасиями. Почему ни одна не назвалась Ольгой, Татьяной или Марией? Хотя бы для разнообразия. Словно сговорились.

– Что было бы невозможно, – вставил фон Швабе.

– Зато возможно другое. Нет дыма без огня. Это указание, хоть и косвенное, – заявил Егоров.

– Не могу с вами согласиться, – вмешался начальник разведки Кайсаров. – Ведь та, кого нашел капитан фон Швабе, назвалась именно Татьяной!

– Нет, – возразил фон Швабе.

– А кем?

– Никем. Это Клара Пойтерт в ней нашла княжну Татьяну. И то предположительно.

– А вы?

– Склоняюсь к Анастасии. Но это только предположение. Слабое.

– Решено, – заявил Марков. – Все нам скажет Толстая. Мало ли что. Может, мы имеем дело с провокацией большевиков или евреев. А может, и нет. Думаю, большевики подобрали бы более убедительную фигуру. Полковник Кайсаров, ваша группа обеспечивает безопасность нашей дамы на случай похищения. Поставьте пять-шесть человек у больницы. Капитан, берите на себя Толстую, поезжайте в Хеммельсмарк, она живет там у кронпринцессы Ирены.

Через два дня фон Швабе был в Хеммельсмарке. Сначала Зинаида Толстая и слушать не хотела. Но когда он рассказал, как Незнакомка отреагировала на портрет Марии Феодоровны, она побледнела, схватилась за сердце и опустилась

в кресло. Дочь побежала за дигиталисом.

– Понимаете, Зинаида Сергеевна, – продолжал живописать капитан, – это все очень загадочно. Отрицает, что знает императрицу, но так ненатурально. Отрицает, – явно чтобы скрыть. И карточку забрала. Попросила еще таких же.

Толстая спросила, едва справляясь с волнением:

– Ну зачем же ей отказываться? Ведь это же семья, это спасение.

– Опасается. Не доверяет никому, что вполне оправданно. Смертельно боится большевиков и их агентов. Считает, что в Дальдорфе она хоть и под замком, но все равно что в крепости, там никто не догадается ее искать. А тут мы с фотографиями…

– Конечно, конечно… Ради всего святого, – заторопилась Толстая. – Едем немедленно.

– Немедленно не получится. Лучше завтра.

– Мама, я тебя одну не отпущу, – заявила дочь.

– А вы были знакомы с великой княжной? – спросил ее фон Швабе.

– Отчасти.

– Тем лучше. Тогда и вы. И надо ли сказать принцессе Ирене? Родная тётя все же.

– Я сама, – ответила Толстая. – Принцесса будет не против. Надо же там, в конце концов, все выяснить раз и навсегда.

Ирена нисколько не удивилась новости, но намерения

Толстой одобрила. Мало того: хоть она была самой большой скрягой в семействе Гессен-Дармштадтских, однако приказала выдать Толстой целых двадцать рентмарок.

У клиники по углам здания капитан Швабе опытным глазом отметил четверых необычных посетителей – в старых русских офицерских шинелях без погон. Они перетаптывались на месте и внимательно посматривали по сторонам. Узнали капитана, которого на этот раз сопровождал поручик Андриевский – желчный худой субъект, нервно зыркающий во все стороны. В другое время фон Швабе не стал бы его брать с собой, но у поручика было разрешение на оружие.

Неожиданно путь в палату им преградила Берта Пфальц.

– К фройляйн Унбеканнт нельзя.

– В чем дело? – возмутился капитан.

– Почему нельзя? – испугалась Зинаида Толстая. – Я ее хорошая знакомая, подруга ее матери.

– Вы уверены? – спросила медсестра удивленно. – Вы ее уже видели раньше?

– За тем я и приехала. Думаю, это та, которую мы ищем давно.

– Но фройляйн никого не принимает. Так и сказала. И все равно, она плохо себя чувствует. После вашего визита, – Берта резанула взглядом капитана, – наша пациентка почти не спит, бредит ночью. У нее к тому же температура. Сегодня ей дали сильное успокоительное. Она почти не понима-

ет, что происходит вокруг. Говорит-то с трудом. Может вас и не узнать.

– Если это она, то непременно узнает, – уверенно сказала Толстая. – Мы даже не будем ее беспокоить. Одним бы глазом взглянуть.

– Пять минут, не больше. Но имейте в виду, она страдает провалами в памяти. Так что ваш визит может оказаться напрасным.

– Не окажется! – заверила Зинаида Толстая.

Больная лежала на спине, под простыней, натянутой до подбородка, и безучастно глядела в стену. Толстая на цыпочках приблизилась к ней, уселась на табуретку и долго ее рассматривала. Потом переглянулась с дочерью. Та пожала плечами и неопределенно покачала головой.

– К вам пришли, фройляйн, – сказала Берта Пфальц, коснувшись плеча больной.

Она медленно повернула голову и долго глядела на Толстую, часто мигая.

– Здравствуй, – ласково произнесла Толстая. – Я пришла. Ты узнаешь меня?

Больная приподнялась, потерла ладонью лоб и слабым голосом с трудом выговорила:

– Я вас видела? Я вас когда-то видела… давно… Не могу вспомнить. Подождите, не уходите… Видела.

– Неужели ты забыла? Подумай хорошенько, милая, постарайся.

Больная продолжала с усилием всматриваться в лицо Толстой, в огромных глазах Незнакомки отразилась такая мука, что Толстая всхлипнула.

– Ведь я же… – начала Толстая, но фон Швабе схватил ее за руку и сильно сжал.

– Не торопитесь, – шепнул он.

– Подожди, одну минуточку подожди, – засуетилась Толстая.

Она вытащила из сумочки иконку с изображением Серафима Саровского и протянула больной.

– Помнишь, малышка? – с надеждой спрашивала она. – Ну же, вспомни!..

Она повернула иконку обратной стороной – там была подпись императрицы Александры и отметка: «Царское Село. 1905 годъ».

Больная, не отрываясь от подушки, всматривалась в подпись. Потом несмело взяла в руки иконку, всмотрелась в изображение.

Капитан фон Швабе почувствовал, как у него вспотели ладони. Толстая и ее дочь пожирали глазами больную. Рядом с капитаном поручик Андриевский так трясся, что позванивал стакан на тумбочке.

Незнакомка прижала иконку к груди, откинулась на подушке и застонала. Из ее глаз медленно покатились слезы.

– Meine Liebe, darling, милая, не надо плакать, – умоляюще сказала Толстая дрожащим голосом и ласково погладила

больную по голове. – Теперь все будет хорошо, ты не одна.

Больная неожиданно схватила руку Толстой и стала часто ее целовать, обливая слезами.

– Ваше высочество! – вдруг завопил поручик Андриевский. – Ваше высочество!..

Он грохнулся на колени и пополз к больной.

– Ваше высочество! – кричал он, крупно дрожа.

Схватил край простыни и стал его целовать.

– Ваше высочество!.. Ваше высочество!.. – его крик перешел в истерический визг.

Больная громко заплакала, сестры бросились к ней.

– Всё, господа, уходите, уходите! – приказала Эрна Бухольц и стала выталкивать капитана и поручика.

– Ваше высочество… – рыдал Андриевский, размазывая слезы по лицу.

Навзрыд стонала больная, отвернувшись к стене и сжимая в руках иконку. Всхлипывала младшая Толстая – по щекам ее струились черные разводы от туши. Залилась слезами Зинаида Толстая. И только капитан фон Швабе хладнокровно наблюдал за происходящим.

Лишь в коридоре, куда их вытолкали сестры, все понемногу успокоились. Капитан обнаружил, что и у него, хоть он держался молодцом, глаза тоже повлажнели. Поручик Андриевский крупно дрожал и икал не переставая.

– Что вы себе позволяете, поручик? Стыдитесь! – прошипел фон Швабе.

Он едва удерживался от желания дать Андриевскому оплеуху.

– Вы офицер или деревенская баба?

Не отвечая, поручик таращился на капитана и продолжал икать.

Обе Толстые вытерли глаза и тихо загрустили.

– Что скажете, дамы? – спросил капитан.

Зинаида Сергеевна еще раз высморкалась в кружевной платочек и прерывисто вздохнула.

– Определенно, дочь государя, – тихо произнесла она. – Определенно, – повторила она с уверенностью.

– Которая?

– Не знаю, – бессильно призналась она. – Да, на Татьяну немного похожа. Но слишком мала ростом.

– Анастасия?

– Сходства больше. Особенно, рост, глаза, руки… Но… я не могу взять на себя смелость. Не утверждаю наверное. Ведь в последний раз я ее видела совсем подростком, а дети с возрастом так меняются. И видно, что лицо пострадало… Нет, – добавила с горечью. – Я плохая свидетельница. Может, еще одна встреча… разговор…

– Так что же нам делать? – невесело задумался фон Швабе.

– О том, что мы с дочерью здесь, – сказала Толстая, – знает не только принцесса Ирена. В Хеммельсмарке живет и баронесса Буксгевден.

– Кажется, она при дворе числилась, – капитан знал, что говорил: сам он в свое время служил в охране Марии Феодоровны.

– Была фрейлиной, со своим шифром, много лет, – подтвердила Толстая. – С императрицей Александрой была тоже близка. Мало того, Софья Карловна сопровождала семью до Тобольска. Правда, почти сразу уехала. От неприятностей подальше. Императрица Александра Федоровна очень тогда обиделась на нее. Даже говорили, что Буксгевден… А, впрочем, это были только слухи, злобные причем. Сейчас это всё не имеет значения. Попробую ее уговорить, пусть посмотрит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.